

Мастера ужасов

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

18+

ГРЕЙДИ ХЕНДРИКС

ИЗГНАНИЕ ДЬЯВОЛА
ИЗ МОЕЙ ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ

Мастера ужасов

Грейди Хендрикс

**Изгнание дьявола из
моей лучшей подруги**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Coe)

Хендрикс Г.

Изгнание дьявола из моей лучшей подруги / Г. Хендрикс —
«Издательство АСТ», 2016 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-120895-0

1988 год. Две подружки – Эбби и Гретхен, знакомые еще со школы, учатся в университете. На очередной студенческой вечеринке Гретхен пропадает в лесу, но, возвратившись, уверяет, что с ней ничего не случилось, она просто заблудилась. После этого ее поведение резко меняется – из дружелюбной, пусть и замкнутой, девушки она становится раздражительной и угрюмой, а рядом с ней все чаще происходят необъяснимые явления. Пытаясь выяснить, что же происходит, Эбби начинает подозревать, что ее подруга одержима демоническими силами. Вскоре поначалу невинные события перерастают в настоящий кровавый ужас и игра идет уже не на жизнь, а на смерть. Только Эбби еще не знает, что иногда экзорцизм может быть хуже любой одержимости.

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-120895-0

© Хендрикс Г., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Не забывай меня [1]	11
У нас есть бит [2]	12
Для чего еще нужны друзья? [3]	18
Тусить круглые сутки [4]	27
Число Зверя [5]	33
Воскресенье, кровавое воскресенье [6]	39
Наступил конец света, как мы его знаем (а я чувствую себя прекрасно) [7]	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Грейди Хендрикс

Изгнание дьявола из моей лучшей подруги

Grady Hendrix

MY BEST FRIEND'S EXORCISM

First published in English by Quirk Books, Philadelphia, Pennsylvania.

Серия «Мастера ужасов»

Перевод с английского: Александра Голикова

В оформлении обложки использована иллюстрация К. А. Терины

Дизайн обложки: Юлия Межова

Copyright © 2016 by Grady Hendrix

All rights reserved.

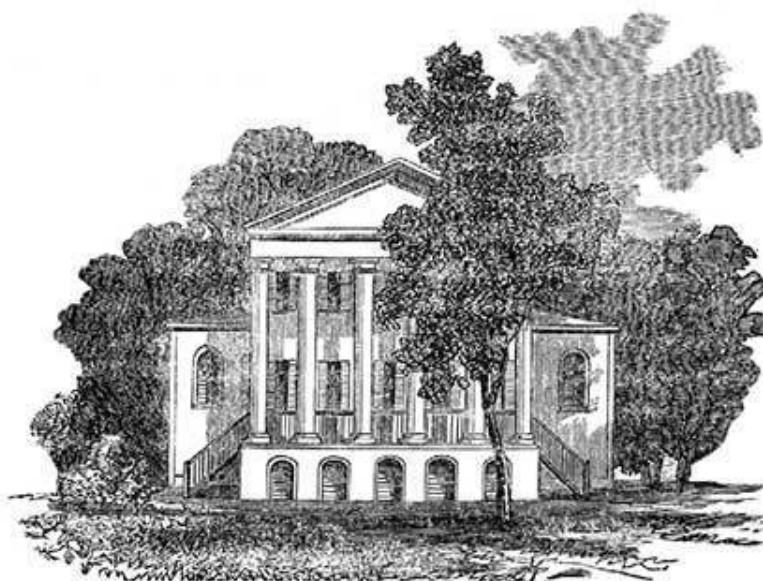
© Александра Голикова, перевод, 2020

© К. А. Терина, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Олбемарл-Академия, Чарльстон, Южная Каролина

1988-1989
учебный год

Я ЖЕ ТОЛЬКО МОГУ ПОСОВЕТОВАТЬ ВАМ СТАВИТЬ ДРУЖБУ
ПРЕВЫШЕ ВСЕХ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ; ИБО НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ
СВОЙСТВЕННОГО НАШЕЙ ПРИРОДЕ И БОЛЕЕ ЦЕННОГО КАК В
СЧАСТЬЕ, ТАК И В НЕСЧАСТЬЕ.

Цицерон

НАШЕ ВРЕМЯ...

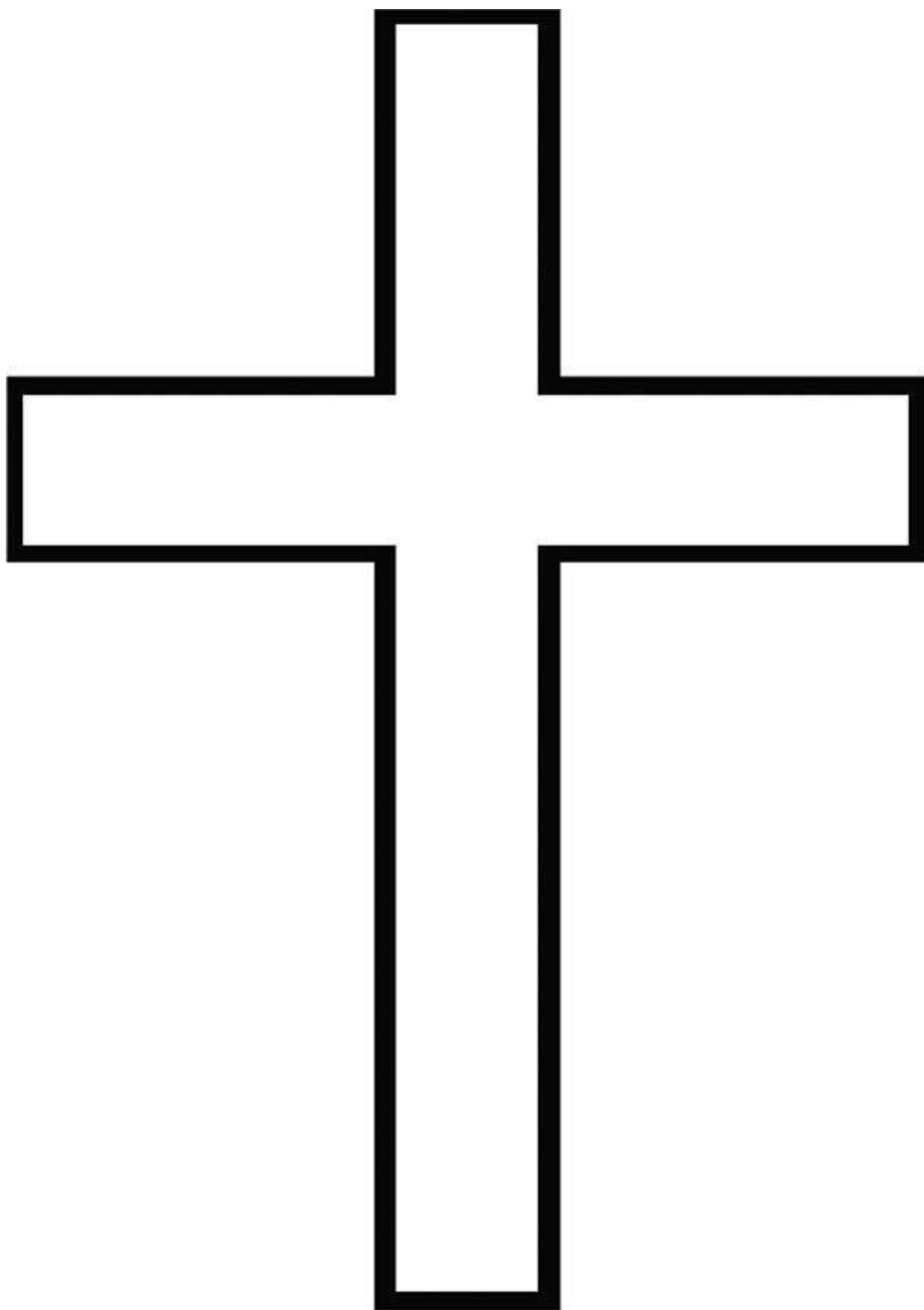
С ЭНТУЗИАЗМОМ МОЖНО
СОВЕРШИТЬ ЧТО УГОДНО.
ЭНТУЗИАЗМ – ДРОЖЖИ, НА
КОТОРЫХ НАДЕЖДА РАСТЕТ ДО
САМЫХ ЗВЕЗД.

Генри Форд

БЛИСТАТЬ!

НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРИТЬ, ЧТО ЭТО КОНЕЦ! МЫ ПЕРЕЖИЛИ НЕДЕЛЮ КОМАНДНОГО ДУХА И МИССИС МЭССИ, БРОСАВШУЮСЯ МЕЛОМ; МЫ ИГРАЛИ В ТАЧ-РЕГБИ С ДОКТОРОМ КАРРОМ И СЛУШАЛИ, КАК ДИРЕКТОР НАПОМИНАЕТ НАМ О НАШИХ ГЛАВНЫХ ЦЕННОСТЯХ... И ВОТ ОЧЕРЕДНОЙ ГОД УЖЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ! НАСТУПИЛА ПОРА ДВЕНАДЦАТИКЛАССНИКАМ ПОКИНУТЬ БЕЗОПАСНОЕ ГНЕЗДЫШКО ОЛБЕМАРЛ, С ОПАСКОЙ РАСПРАВИТЬ КРЫЛЬЯ И УЛЕТЕТЬ ВО ВНЕШНИЙ МИР; А МЫ, ОСТАЛЬНЫЕ, НА ГОД ПРИБЛИЗИЛИСЬ К СОБСТВЕННОМУ ЗВЕЗДНОМУ ЧАСУ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, ЭТО НАШ МИГ – МИГ, КОГДА МЫ ДОКАЖЕМ, ЧТО «ВЕРА И ЧЕСТЬ» ДЛЯ НАС – НЕ ПРОСТО СЛОВА, А МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ! РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ БЫЛИ НАШИМИ НАСТАВНИКАМИ И РУКОВОДИТЕЛЯМИ, НО ТЕПЕРЬ ВСЕ ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС. ПОЭТОМУ ОТКРЫВАЙТЕ ОБЛОЖКУ ВЫПУСКНОГО АЛЬБОМА 1988–89, СМЕЙТЕСЬ, ПЛАЧЬТЕ, ДУМАЙТЕ И РАСТИТЕ НАД СОВОЙ! ТЕПЕРЬ – НАШЕ ВРЕМЯ БЛИСТАТЬ!

Не забывай меня ¹

Погиб тот самый экзорцист.

Сидевшая в офисе Эбби долго смотрела на е-мэйл перед собой, потом кликнула по синей ссылке, оказалась на главной странице газеты, которую до сих пор называла про себя «Ньюз-энд-куррьер», хотя название поменялось пятнадцать лет назад, и посреди экрана всплыл лысеющий экзорцист с волосами, забранными в хвост. Он улыбался камере с мутного фото крупным планом размером с почтовую марку. Горло Эбби сжалось, челюсть заныла. Она даже не заметила, что задержала дыхание.

Экзорцист вез доски в Лейквуд. На 95-м шоссе он остановился, чтобы помочь туристу поменять шины, и уже закручивал гайки, как вдруг экзорциста сбил «Додж-Караван», который занесло. Он умер, прежде чем успела приехать скорая. Женщина, сидевшая за рулем «Доджа», перед этим приняла три разных обезболивающих (четыре, если считать «Бад лайт»), и ей предъявляли обвинение за вождение в состоянии опьянения.

«ПДД или смерть – выбор за вами!» – подумала Эбби. Она сама не помнила, откуда ей был знаком этот слоган, но стоило ему выскочить из памяти, как Эбби удивилась, как можно было его забыть – когда она училась в старших классах, щиты с этим девизом стояли по всей Южной Каролине. В тот же миг все потеряло свое значение – офис, конференц-связь в одиннадцать, квартира, ипотека, развод и дочь.

Эбби перенеслась на двадцать лет назад – теперь она неслась по старому мосту в дерьмовом «Фольксваген-Рэббите», опустив окна и включив на всю катушку UB40 по радио, а в лицо ей дул сладко-соленый ветер. Повернув голову направо, она увидела на пассажирском сидении Гретхен, сидящую босиком по-турецки, светлыми волосами которой играл ветер. Обе подпевали радио во все свои безголосые глотки; на дворе стоял апрель 1988-го, и мир принадлежал им.

Для Эбби слово «дружба» притупилось от слишком частого использования: она говорила, например, «я дружу с нашими сисадминами» или «у меня после работы встреча с друзьями».

Но она помнит, когда такие слова были настолько острыми, что могли порезать до крови. Они с Гретхен часами могли составлять иерархии подруг, споря, кто лучшая подруга, а кто просто обычная, и можно ли иметь двух лучших подруг одновременно; могли писать имена друг друга фиолетовыми чернилами бесчисленное количество раз подряд. Ощущение, что ты кому-то принадлежишь, что совершенно незнакомый человек тебя выбрал, захотел тебя узнать, что ей не все равно, жива ты или нет, опьяняло, как наркотик, как дофамин.

Они с Гретхен были лучшими подругами... а потом наступила та осень. Пали листья, а вместе с ними – и они.

А экзорцист спас Эбби жизнь.

Она до сих пор помнит старшие классы, но не как события, а как кадры; помнит действия, а причины – не очень; однако теперь все вернулось безудержным потоком: вопли на газоне, совы, вонь в комнате Маргарет, Хороший Песик Макс, тот ужасный случай с Гли... А прежде всего – все, что произошло с Гретхен; из-за чего тогда, в 1988-м, все пошло к такой-то матери, а в ее лучшую подругу вселился дьявол.

¹ «Don't You Forget about Me» – песня Simple Minds (1985 г.) (Здесь и далее прим. переводчика).

У нас есть бит ²

В 1982 году Рональд Рейган начинал Войну с наркотиками, Нэнси Рейган советовала всем «просто сказать «нет»; в том же году наконец-то открылся «ЕРСОТ Центр», «Мидвэй» наконец-то выпустили аркады с «Мисс Пакмэн», а Эбби Риверз официально стала взрослой, впервые заплакав над фильмом, а именно – «Инопланетянином» Спилберга. Она снова и снова возвращалась его смотреть – ее притягивала собственная непроизвольная реакция: слезы, начинавшие против воли струиться по лицу каждый раз, когда Инопланетянин и Эллиот тянулись друг к другу.

В том году Эбби исполнилось десять.

В том году случилась Та Самая Вечеринка.

В том году изменилось все.

За неделю до Дня благодарения Эбби торжественно вошла в кабинет миссис Линк для четвероклассников с двадцатью одной пригласительной открыткой в форме роликовых коньков и пригласила весь класс на роллердром «Редвинг», чтобы отметить ее, Эбби, день рождения в субботу, 4-го декабря в 15:30. Этот день должен был стать ее минутой славы: она смотрела «Роллер Буги» с Линдой Блэр, «Ксанаду» с Оливией Ньютон-Джон, «Скейттаун, США», где Патрик Суэйзи щеголял с голым торсом, и после месяцев тренировок могла дать фору всем этим троим вместе взятым. Никогда она больше не будет Эбби-Соплячкой – теперь в глазах всех одноклассников она станет Эбби Риверз, принцессой роллердрома!

Потом были выходные в честь Дня благодарения, а в первый день школы после них Маргарет Миддлтон встала перед классом и пригласила всех на свою плантацию для игры в поло покататься на лошадях в субботу. Четвертого декабря.

– Миссис Линк, миссис Линк, миссис Линк! – Эбби яростно замахала рукой. – У меня же в этот день – День рождения!

– Ах, да... – сказала миссис Линк. Можно подумать, Эбби не приколола огромную табличку в виде роликовых коньков прямо посреди классной доски объявлений и не указала там время своего дня рождения! – Но его ведь можно перенести?

– Но... – Эбби никогда еще не говорила учителям «нет», поэтому получилось не очень. – Но ведь это мой день рождения?..

Миссис Линк вздохнула, успокаивающе кивнула Маргарет Миддлтон и сказала Эбби:

– Твой день рождения начинается только в полчетвертого. Все успеют и покататься на лошадях у Маргарет, и зайти к тебе.

– Конечно, успеют, миссис Линк! – заворковала Маргарет Миддлтон. – У нас будет много-много времени!

В четверг перед днем рождения Эбби в качестве напоминания принесла в класс двадцать пять капкейков с Инопланетянином, и все их съели, что она приняла за хороший знак. В субботу она заставила родителей поехать на «Редвинг» на час раньше, чтобы успеть все подготовить. К 15:15 зал для праздников выглядел так, будто Инопланетянин взорвался внутри: Инопланетянин был на воздушных шариках, на скатертях, на бумажных колпаках и тарелках, рядом с каждой из которых лежал маленький пакетик «Ризис Писис»; лицо Инопланетянина смотрело с торга-мороженого с шоколадом и арахисовым маслом, а за стулом Эбби на стене висела самая ее большая драгоценность, которая ни в коем случае не должна была запачкаться или порваться – настоящая афиша «Инопланетянина», которую папа принес из кино и подарил дочке на день рождения.

Наконец часы показали 15:30.

² «We Got the Beat» – песня The Go-Go's (1981 г.)

Никого не было.

15:35. Зал по-прежнему оставался пуст.

К 15:40 Эбби готова была разрыдаться.

Снаружи, на катке, играла «Open Arms» группы Journey, и большие ребята катались за плексигласовыми окнами, выходящими из зала для праздников. Эбби знала – большие ребята смеются над ней, потому что сегодня ее день рождения, и она одна. Она вонзила ногти в молочно-белую кожу на тыльной стороне запястья, думая о том, как ей больно, чтобы не заплакать. Наконец, к 15:50, когда все запястье было сплошь в красных полумесяцах, в комнате появилась подгоняемая своей мамой Гретхен Ланг – странная новенькая девочка, которая недавно перевелась из Эшли-Холла.

– Здравствуйте, здравствуйте, – защебетала миссис Ланг, звеня браслетами, – прошу прощения, мы... А где все?

Эбби не смогла ответить, и на помощь ей пришла мама:

– Стоят в пробке на мосту.

Лицо миссис Ланг смягчилось. Она сунула Гретхен в руки упаковку размером с кирпич и толкнула вперед:

– Давай, Гретхен, поздравь подружку!

Гретхен упиралась, не двигаясь с места. Миссис Ланг попробовала другую тактику и спросила, глядя на Инопланетянина:

– Гретхен, кто это? Мы ведь его не знаем?

Она шутит, подумала Эбби! Как можно не знать самое знаменитое лицо на планете?!

– Я знаю! – возразила Гретхен. – Это... Инопланетянин?

У Эбби в голове не укладывалось! Что это за сумасшедшие?

– Инопланетянин, – поправила она девочку, обретя дар речи. – Он с другой планеты.

– Как мило! – воскликнула миссис Ланг, откланялась и убралась куда подальше.

Воздух пронизывала мертвая тишина – все только шаркали ногами. Лучше бы Эбби осталась одна! Теперь было очевидно – никто не придет к ней на день рождения, оба родителя вынуждены признать факт, что у их дочери нет друзей, а хуже всего, свидетельницей этого унижения стала странная девочка, которая не знает, что такое инопланетянин! Гретхен скрестила руки на груди, хрустя оберточной бумагой.

– Так мило с твоей стороны принести подарок! – сказала мама Эбби. – Совсем не стоило утруждаться!

«Конечно, стоило! – подумала Эбби. – У меня же день рождения!»

– С днем рожденья, – промямлила Гретхен и сунула Эбби подарок.

Эбби не хотела от нее подарков – ей нужны были свои друзья! Почему их нет?! Но Гретхен продолжала стоять, как вкопанная, протягивая упаковку, и все смотрели на Эбби. Та взяла подарок, но сделала это очень быстро, чтобы никто не подумал, будто ей нравится происходящее... и немедленно почувствовала, что ей подарили книгу. Эта девочка что, совсем глупая? Эбби нужно было что-нибудь с Инопланетянином, а не книга... разве что эта книга про Инопланетянина?

Но и эта маленькая надежда умерла, когда Эбби осторожно развернула подарок и увидела «Библию для детей». Она перевернула, надеясь, что книга – это не все, и что к ней прилагается что-нибудь с Инопланетянином, но на задней обложке ничего не было, и внутри тоже. Просто Новый Завет для детей. Эбби подняла взгляд в ожидании увидеть, что весь мир сошел с ума, но увидела только Гретхен, по-прежнему глядящую на нее в упор.

Эбби знала правила – надо сказать «спасибо» и изобразить восторг, чтобы никого не обидеть. Но, вообще-то, обидели ее! Сегодня день рождения Эбби, но про нее вообще никто не думает! Никто не стоит в пробке на мосту – все катаются на лошадях у Маргарет Миддлтон и дарят ей все подарки, предназначенные Эбби!

– Что надо сказать, Эбби? – напомнила мама.

Нет, она не скажет! Сказать «спасибо» значило бы признать, что так и надо, и это нормально, когда странная незнакомая девчонка дарит тебе Библию! Если Эбби скажет «спасибо», родители решат, что они с этой чокнутой – подруги, будут приглашать ее на все следующие дни рождения, и Эбби до скончания века будут дарить только «Библии для детей»!

– Эбби! – сказала мама.

Нет.

– Эбс, не надо так, – сказал папа.

– Сейчас же скажи девочке «спасибо»! – потребовала мама.

Тут Эбби озарило вдохновение: выход был – она может убежать! Что они ей сделают, в конце концов, – выкрутят руки? И она, задев Гретхен плечом, выбежала в шумную темноту катка.

– Эбби! – крикнула мама, но ее тут же заглушили Journey.

Задумчивый голос Стива Перри витал над мощными ударными и лирическими гитарами, гром которых волнами бился о стены катка, а вокруг, прижавшись друг к другу, катались воркующие парочки.

Большие ребята с пиццей и кувшинами пива в руках разъезжали по ковру и перекрикивались с друзьями. Лаврируя между ними, Эбби добежала до женского туалета, ворвалась в кабинку, захлопнула за собой оранжевую дверь и, рухнув на сиденье, принялась себя жалеть.

Все поехали на плантацию Маргарет Миддлтон, ведь у Маргарет Миддлтон есть лошади! Какой Эбби была душой, если подумала, что хоть кто-нибудь хочет смотреть, как она разъезжает на коньках – никто не хотел на это смотреть! Все хотели кататься на лошадях! Она была душой, душой, душой!..

«Оpen Arms» стала громче – кто-то открыл дверь:

– Эбби?

Это оказалась... как ее там? Эбби сразу что-то заподозрила – наверно, родители ее послали шпионить! Она подтянула ноги на сиденье.

– Эбби? – Гретхен постучалась в ее кабинку. – Ты тут?

Эбби замерла. Ей даже удалось понизить рыдания до слабого скуления.

– Я не хотела дарить тебе «Библию для детей», – продолжала Гретхен из-за двери. – Ее мама выбрала, а я ей говорила, не надо. Я хотела подарить что-нибудь с Инопланетянином – там была его игрушка, и у нее зажигалось сердце.

Эбби было все равно – эта девчонка противная! Тут снаружи послышались звуки, и под дверью из щели показалось лицо Гретхен. Эбби пришла в ужас – что она делает?! Ползет в кабинку?! Секунда – и Гретхен стояла перед унитазом, хотя дверь была закрыта, и входить было нельзя! Эбби поверить не могла – она молча смотрела на эту сумасшедшую, ожидая, что та еще вытворит.

– Я не люблю лошадей, – сказала Гретхен, медленно моргая огромными голубыми глазами. – Они воняют. И Маргарет Миддлтон нехорошая.

Это, по крайней мере, показалось Эбби разумным.

– Дурацкие лошади... – продолжала Гретхен. – Все их любят, но у них мозги, как у хомячков. Лошади больше нас, но только какой шум, они сразу пугаются.

На это Эбби не знала, что ответить.

– Я не умею кататься на роликах. Я считаю, что, если тебе нравятся лошади, лучше завести собаку. Собаки хорошие. Они не такие большие, как лошади, и они умные, но не все собаки. У нас есть пес Макс, и он тупой – он не может лаять и бежать одновременно, тут же падает.

Эбби становилось неловко – вдруг кто-нибудь войдет и увидет эту странную девчонку в одной кабинке с ней? Она знала, что надо что-то сказать, но в голове была только одна мысль. Ее Эбби и высказала:

– Зачем ты пришла?

– Я не должна была, – кивнула Гретхен. – Мама хотела, чтобы я пошла к Маргарет Миддлтон.

– Почему не пошла?

– Ты меня первая пригласила.

Эбби озарило, словно ударом молнии: именно! Она то же самое говорила – она пригласила всех первой! Все должны быть тут, с ней, потому что Эбби пригласила всех первой, а Маргарет Миддлтон содрала идею! Эта девчонка все понимала!

Может, еще не все испорчено! Может, если Эбби покажет этой дикой девочке, как она классно катается на роликах, Гретхен расскажет всей школе и все захотят посмотреть, но Эбби никогда больше не будет отмечать дни рождения. Никто никогда не увидит, как она умеет кататься, если только не станут умолять на коленях перед всей школой – тогда Эбби, может быть, снизойдет и сразит всех наповал, но только если ее попросят, как следует! Для начала надо будет впечатлить Гретхен, но это нетрудно – она даже сама не умеет кататься на роликах.

– Если хочешь, я могу научить тебя бегать на коньках, – сказала Эбби. – Я хорошо умею.

– Правда? – спросила Гретхен. Наконец хоть кто-то воспринял ее всерьез! Эбби кивнула:

– Очень хорошо умею!

Папа Эбби взял коньки напрокат, Эбби научила Гретхен их покрепче зашнуровывать и поднимать ноги повыше, когда идешь через ковер, чтобы не споткнуться. Отведя Гретхен на площадку для самых маленьких, она стала учить ее простейшим разворотам, но Эбби это очень быстро наскучило – ей не терпелось блеснуть самой, и она спросила:

– Хочешь, пойдем на большой каток?

Гретхен затрясла головой.

– Я буду с тобой, тогда не страшно. Я не допущу ничего плохого!

Подумав, Гретхен спросила:

– А ты будешь держать меня за руки?

Эбби схватила Гретхен за руки и вытащила на каток в тот самый момент, когда диджей объявил свободное катание. Внезапно каток наполнился подростками, которые неслись мимо девочек со сверхсветовой скоростью: один парень посреди площадки подхватил девушку за талию, поднял и стал с ней кружиться. Диджей включил зеркальный шар – теперь повсюду скользили звезды, и весь мир кружился. Гретхен вздрагивала при виде ребят, стремительно пронесившихся мимо; тогда Эбби развернулась, взяла ее за мягкие потные ручки и стала мягко вводить в ритм, катаясь спиной вперед. Они стали набирать скорость, сделали первый разворот, покатались еще быстрее, потом Гретхен подняла одну ногу, оттолкнулась, повторила с другой ногой, и, наконец, девочки начали кататься по-настоящему. Тут сердце Эбби забилось быстрее – раздались ударные, затем вступили клавишные и гитара, и из колонок загремела «У нас есть бит»; огни в зеркальном шаре начали пульсировать. Теперь девочки кружились вместе со всеми вокруг пары в центре катка. У них и правда был бит.

*Синий пипл ходит по пути,
Тра-та-та, чего им не найти,
Где и кто, там берется что,
Только строим ходить!
У нас есть бит,
У нас есть бит!*

Конечно, Эбби слышалось совершенно не то, что пелось в песне, но разве это имело значение? Одно она знала тверже, чем что-либо во всей своей жизни: The Go-Go's пели именно о ней и Гретхен. У них был бит! Для посторонних наблюдателей они были просто двумя девоч-

ками, медленно катившимися вокруг катка и тщательно обводившими углы, мимо которых остальные проносились стремглав, но правда являлась совершенно иной. Для Эбби весь мир был электро-страной чудес из разноцветных огней кислотных оттенков розового, зеленого и бирюзы, которые мигали в такт музыке. Вокруг все танцевали, пролетая мимо все быстрее и быстрее, едва касаясь роликами земли, сердца бились в унисон с ударными. А еще Гретхен пришла на день рождения Эбби, потому что та пригласила ее первой, а еще у Эбби была настоящая афиша «Инопланетянина», а еще они теперь могли съесть весь торт вдвоем.

Гретхен откуда-то знала, о чем думала Эбби – она улыбалась имениннице. Теперь, когда сердце Эбби билось в такт музыке, они с Гретхен кружились и та кричала: «Как здорово!!!», ей не нужны были другие гости на празднике.

Тут Эбби налетела на Томми Кокса, запуталась у него в ногах, упала лицом вниз, прокусила верхним зубом нижнюю губу и облила кровью всю футболку с Инопланетянином. Родители отвезли ее в больницу, Эбби наложили три шва, а родители Гретхен посреди всего этого успели забрать дочь с катка, так что Эбби увидела ее только в школе в понедельник.

Тем утром ее лицо было раздуто сильнее самого тугого воздушного шара, и Эбби старалась не шевелить распухшими губами. Она пришла в класс рано, и первым, что Эбби услышала, были недовольные слова Маргарет Миддлтон:

– Почему ты не пришла?! – она нависала над партой Гретхен. – Все пришли и сидели допоздна! Ты что, лошадей боишься?

Гретхен сидела, робко повесив голову, и ее волосы касались столешницы.

– Я скакала на лошади! Она сделала два высоких прыжка! – поддакнула Лэйни Отт, стоявшая рядом с Маргарет и вместе с ней отчитывавшая Гретхен. Тут Лэйни и Маргарет заметили Эбби в дверях, и Маргарет воскликнула:

– Фу!!! Что у тебя с лицом? Похоже на лужу блевотины!

Эбби застыла – внутри вскипела волна праведного гнева. Она лежала в операционной, а они еще и дразнились?! Не зная, что сделать, Эбби неуверенно сказала правду:

– Томми Кокс натолкнулся на меня. Мне наложили швы.

Услышав имя Томми Кокса, Лэйни Отт захлопала ртом с дурацким видом. Однако Маргарет было так просто не взять.

– А вот и нет! – возразила она, и тут Эбби поняла: о господи, ведь если Маргарет просто скажет, что Эбби врет, никто ей никогда больше не поверит!

– Врать нехорошо, – продолжала Маргарет. – А не приходите в гости, когда зовут, невежливо. Ты невежливая! Вы обе невежливые!

Тут Гретхен вскинула голову, пылая взглядом, и ответила:

– Эбби пригласила нас первой, и это ты невежливая! И она не врет, я сама все видела!

– Значит, вы обе врите! – заявила Маргарет.

Тут кто-то постучал в открытую дверь над плечом Эбби:

– Малыши, вы не знаете, где... о, привет, красавица!

На расстоянии всего нескольких сантиметров от Эбби позади стоял Томми Кокс: светлые кудри обрамляют лицо, верхняя пуговица рубашки расстегнута, в воротнике видно ожерелье из белоснежных ракушек, губы растянуты в улыбке, открывая ослепительно белые зубы. Все его существо источало силу притяжения, волнами омывавшую Эбби.

Ее сердце приостановилось. Сердца всех остальных сделали то же самое.

– Черт... – Томми Кокс нахмурил лоб, разглядывая нижнюю губу Эбби. – Это из-за меня?

Никто еще никогда так внимательно не рассматривал лицо Эбби – тем более самый крутой двенадцатиклассник во всей Олбемарл-Академии! Она с трудом кивнула.

– Жуть. Больно?

– Немного?.. – с трудом выдавила Эбби. Томми Кокс, похоже, огорчился, и она немедленно передумала, пискнув: – Ничего страшного...

Он улыбнулся, и Эбби чуть не упала. Томми Кокс улыбнулся ее словам! Она будто обрела сверхспособности!

– Круто, – он протянул ей банку кока-колы, покрытую каплями – банка оттаивала. – Холодная. Ну... приложить к лицу.

Эбби взяла банку, хотя не сразу. До седьмого класса ходить к автоматам не разрешали, а Томми Кокс ради нее сходил к автоматам и купил ей колу!

– Круто, – ответила Эбби.

– Прошу прощения, мистер Кокс, – миссис Линк протолкнулась в дверь, – но будьте добры вернуться в здание для старших классов, иначе вам начислят штрафной балл!

Миссис Линк прошла к своему столу и швырнула на него сумку, а все по-прежнему смотрели на Томми Кокса.

– Сейчас, миссис Линк! – ответил он и поднял руку: – Дай пять, боевая подруга!

Эбби медленно, как в слоу-моушене, дала пять. Рука Томми Кокса оказалась прохладной, теплой, сильной, твердой... и мягкой. Он развернулся, шагнул, потом обернулся и подмигнул:

– Держись, малышка Бетти!

И это все слышали!

Эбби обернулась к Гретхен и улыбнулась. Швы разошлись, рот заполнился соленым вкусом, но оно того стоило: повернувшись, Эбби увидела, как Маргарет Миддлтон стоит, как столб, потому что ей нечего сказать. Они тогда этого не знали, но все началось именно там, в классе миссис Линк, когда Эбби ухмыльнулась Гретхен большими окровавленными зубами, и Гретхен застенчиво улыбнулась в ответ.

Для чего еще нужны друзья? ³

Эбби отнесла банку колы домой, не открывая. Через неделю губа зажила, швы сняли, но осталась некрасивая ссадина цвета ягодного варенья. Хантер Приоле из-за нее называл Эбби сифилитичкой, зато Гретхен не упоминала ссадину ни словом.

Губа окончательно заживала, а Эбби думала, что Гретхен не могла не смотреть «Инопланетянина» – его все смотрели! Однажды она завела с Гретхен в столовой серьезный разговор, но та повторила:

– Я не смотрела «Инопланетянина».

– Не может быть! – возразила Эбби. – Даже в Советском Союзе смотрели «Инопланетянина» – так в «60 минутах» говорили!

Гретхен долго помешивала в тарелке фасоль и, наконец, решилась:

– Обещаешь никому не говорить?

– Ладно, – ответила Эбби. Гретхен наклонилась к ней, залезая длинными светлыми прядами в тарелку с котлетой, и прошептала:

– Мои родители – в Программе защиты свидетелей. Если я пойду в кино, меня похитят.

Эбби была в восторге – у нее появилась опасная подруга! Наконец-то началась интересная жизнь! Оставался только один вопрос:

– Почему ты тогда пришла на мой день рождения?

– Мама решила, что можно. Они с папой хотят, чтобы у меня была нормальная жизнь, даже если они преступники.

– Тогда спроси, можно ли тебе сходить на «Инопланетянина»! – вернулась Эбби к самой важной теме. – Если хочешь жить нормальной жизнью, нужно посмотреть «Инопланетянина», а то все будут думать, что ты странная.

– Ладно, – кивнула Гретхен, обсасывая кончики своих прядей, замочившиеся в подливке, – только пусть твои родители меня отведут. Если нас с мамой и папой увидят в общественном месте, какой-нибудь преступник их узнает.

Мама Эбби придерживалась убеждения, что смотреть любой фильм по несколько раз – бесполезная трата времени, денег и серого вещества, однако Эбби так замучала родителей, что они, наконец, сдались. В следующие выходные мистер и миссис Риверз оставили Эбби и Гретхен в торговом центре «Цитадель» на сеанс «Инопланетянина» в 14:20, а сами отправились закупаться к Рождеству. Поскольку Гретхен была девочкой домашней и состояла в Программе защиты свидетелей, она не умела покупать билеты и попкорн – оказалось, она никогда даже не бывала в кино одна. Эбби это казалось дико – она-то в два счета могла прокатиться до Маунт-Плезанта на велосипеде и посмотреть дневной сеанс за один бакс. Может, родители Гретхен и были преступниками, но Эбби вела куда более светскую жизнь.

Когда свет погас, Эбби сначала заволновалась, что «Инопланетянин» ей не понравится так, как во все предыдущие разы; но Эллиот обозвал Майкла «членоротым», и она засмеялась, потом пришли люди из правительства, Эллиот потянулся к Инопланетянину через пластиковую стену, и Эбби заплакала, в очередной раз убедившись, что это был самый эмоциональный фильм на свете. Но когда перед большой погоней в конце Эллиот и Майкл угнали фургон, у Эбби появилась ужасная мысль: а вдруг Гретхен не плачет? Вдруг, когда зажгут свет, она будет просто сидеть и сосать кончики своих косичек, будто посмотрела самый обычный фильм? А вдруг он ей не понравится?

От таких мрачных мыслей Эбби досматривала конец безо всякой радости. Пошли титры, а она смотрела в темноте прямо перед собой, боясь поглядеть на Гретхен и чувствуя себя

³ «That's What Friends Are For» – песня Дайон Уорвик (1985 г.) и Рода Стюарта (1982 г.)

несчастной, но, наконец, не выдержала. Когда титры благодарили округ Марин за помощь при съемках, Эбби повернулась – Гретхен с каменным лицом не сводила глаз с экрана. Сердце Эбби сжалось, но тут же расправилось, прежде чем она успела что-либо сказать: свет от экрана заиграл на влажных щеках Гретхен.

– Можно еще раз посмотреть? – спросила она, повернувшись к Эбби.

Конечно, можно! Потом они обедали в «Чи-Чиз», папа Эбби сделал вид, будто сегодня его день рождения, и тогда все официанты его окружили, надели на голову огромное сомбреро, спели мексиканскую песню «С днем рождения» и принесли всей компании жареное мороженое.

Тот день выдался лучшим в жизни Эбби.

* * *

– Я должна сказать тебе что-то очень важное, – сказала Гретхен.

Это было во время их второй ночевки у Риверзов. Родители Эбби ушли к кому-то в гости по случаю Рождества, поэтому девочки пообедали замороженными пиццами, пока смотрели «Сверхспособности Мэттью Стара». Только что закончился «Фэлкон Крест» – не такой хороший сериал, как «Династия», но «Династию» показывали вечером в среду, во время учебной недели, поэтому Эбби не разрешали ее смотреть. Гретхен не разрешали смотреть вообще ничего – родители придерживались очень строгих правил. У них даже кабельное не показывало, потому что тогда пришлось бы указывать на счетах свои имена, а это слишком опасно.

За три недели дружбы Эбби уже привыкла ко всем странностям Программы защиты свидетелей: ни походов в кино, ни кабельного (вообще почти никакого телевидения), ни рок-музыки, ни открытых купальников, ни сладких хлопьев к завтраку. Однако кое-что насчет Программы пугало Эбби: она видела в кино, что иногда люди, находившиеся под защитой, внезапно исчезали.

Поэтому, когда Гретхен захотела сказать что-то важное, Эбби сразу поняла, что:

– Ты переезжаешь.

– Зачем?

– Из-за родителей.

Гретхен покачала головой:

– Нет, не переезжаю... Только обещай, что не будешь меня ненавидеть. Пожалуйста.

– Я тебя не ненавижу. Ты классная.

Не глядя на Эбби, Гретхен щипала клетчатую обивку дивана. Эбби начинала волноваться – у нее было не так много друзей, к тому же, она и правда не встречала никого более классного, чем Гретхен, если не считать Томми Кокса. Наконец Гретхен сжала руки на коленях и сказала:

– Мои родители не под Программой защиты свидетелей. Я это придумала. Они не разрешают мне смотреть фильмы с рейтингом PG или R – только с рейтингом G, пока мне не исполнится тринадцать. Я не говорила им, что мы пошли на «Инопланетянина» – я сказала, что мы смотрели «Песенку Хэйди».

Последовала долгая тишина.

– Теперь ты меня ненавидишь... – Гретхен закивала своим словам. Слезы стекали по ее носу, капая на диван.

На самом же деле Эбби была в восторге. Она и до того по-настоящему не верила в Программу защиты свидетелей: как говорила ее мама, если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, скорее всего, так и есть. А если родители Гретхен обращались с дочерью, как с младенцем, тогда классной оказывалась Эбби: она нужна Гретхен, чтобы смотреть фильмы с рейтингом PG или узнавать, что было дальше в «Фэлкон Крест», а значит, они всегда будут подругами. Однако Эбби также понимала, что теперь, когда она узнала одну из тайн

Гретхен, та может перестать с ней дружить. Поэтому Эбби решила поделиться взамен своей тайной и спросила:

– Хочешь увидеть что-то пошлое?

Гретхен замотала головой, забрызгивая слезами диван.

– Очень, очень пошлое? – уточнила Эбби.

Гретхен только плакала, сжимая руки так, что костяшки побелели. Тогда Эбби достала из ящика на кухне фонарик, стащила Гретхен с дивана и повела наверх, в спальню родителей, всю дорогу прислушиваясь – не зашуршит ли у дома родительская машина?

– Нам не надо сюда... – сказала Гретхен в темноте.

– Ш-ш-ш! – Эбби провела ее мимо ящика у изножья постели в отцовский чулан, где за его штанами скрывался чемодан, а в чемодане – черный пакет, а в пакете – большая коробка, а в коробке – видеокассета, которую Эбби осветила, включив фонарик:

– «Плохая мамочка Джама». Мама не знает о ней.

Утерев нос рукавом, Гретхен взяла кассету обеими руками. С обложки смотрела через плечо очень пухлая чернокожая женщина, нагнувшись и раздвинув ягодицы, находившиеся на переднем плане и прикрытые только крошечными бикини. Женщина улыбалась губами, накрашенными помадой, такой же оранжевой, как и лак на ногтях, словно была в восторге от того, что две маленькие девочки смотрят ей в задний проход. Под фото стояла подпись: «Ужин в духовке – мама ждет!»

– Фу! – взвизгнула Гретхен и швырнула кассету в Эбби.

– Мне не нужно! – та швырнула кассету обратно.

– Ай! Она меня задела! – крикнула Гретхен. Эбби завалила ее на постель, оседлала сверху и принялась тереть кассетой по волосам.

– Фу, фу, фу! – кричала Гретхен, извиваясь. – Теперь я умру!

– Теперь ты забеременеешь! – смеялась Эбби.

Это был ключевой момент. Тем вечером – когда Гретхен перестала лгать Эбби о Программе защиты свидетелей, Эбби рассказала ей, что ее папа скрывал свой фетиш – крупных чернокожих женщин, а потом стала драться с Гретхен на родительской постели – они стали лучшими подругами.

* * *

В следующие шесть лет случилось все и ничего. В пятом классе девочки оказались в разных параллелях, но за обедом Эбби рассказывала Гретхен все, что было в последних сериях «Ремингтона Стила» и «Фактов из жизни». Гретхен хотела, чтобы у нее была мама, как миссис Гарретт, Эбби считала, что Блэр обычно оказывалась права, и обе мечтали, когда вырастут, открыть частное детективное агентство, где Пирс Броснан будет выполнять все их приказы.

Однажды, подвозя девочек, мама Гретхен получила штраф за превышение скорости, сказала вслух матное слово и, чтобы они не рассказали мистеру Лангу, отвезла Эбби и Гретхен в магазин «Свотч» в центре и купила им по браслету с новыми часиками «Свотч». Эбби достались часики с прозрачным циферблатом, к которым она на свои деньги прикупила две защитные резинки (зеленую и розовую) и переплела их вместе, а Гретхен – часики с циферблатом в красно-сине-белую полоску и две защитные резинки, тоже зеленую и розовую. Каждый раз, после игр на свежем воздухе, девочки нюхали друг у друга ремешки от часов, пытаясь определить, чем они пахнут. Эбби казалось, что ее ремешок пах жимолостью и корицей, а ремешок Гретхен – гибискусом и розой, но Гретхен считала, что оба просто пахнут потом.

Гретхен больше шести раз ночевала в доме Эбби в Криксайде, и только тогда Эбби, наконец, разрешили переночивать у Гретхен. Ее дом стоял в Олд-Вилледж – шикарной части Маунт-Плезанта с величественными зданиями: те из домов, что не были оборудованы огром-

ными дворами, располагались у воды. Если в Олд-Вилледж видели чернокожего человека, не являвшегося мистером Литтлом, местные останавливали свои Вольво и спрашивали, не заблудился ли он.

Эбби обожала ходить в гости к Гретхен. Их дом находился на Пьератес-Крузе, проселочной дороге в форме подковы: здесь дома были пронумерованы неправильно, а название улицы написано с ошибкой, ведь тут жили богачи, а они могли делать что угодно. Гретхен жила в доме номер восемь – огромном сером кубе, заднее окно которого представляло собой единый кусок стелка, занимавший два этажа, и выходило на Чарльстонскую гавань. Внутри стояла чистота, как в операционной – строгие прямые углы, гладкие поверхности, блеск стали и стекла, которое протирали два раза в день. Дом Гретхен единственный во всем Олд-Вилледже выглядел, будто его построили в двадцатом веке.

Ланги владели причалом, и Эбби с Гретхен там плавали (при условии, что на них были кроссовки, чтобы не порезаться об устриц). Миссис Ланг каждые две недели убиралась в комнате Гретхен и выбрасывала все, что считала ненужным. Одно из ее правил заключалось в том, что у Гретхен могло быть одновременно только шесть журналов и пять книг. «Прочитала? Значит, больше не нужно», – так звучал ее девиз.

Поэтому все книги, что Гретхен на свои (казалось, неограниченные) карманные деньги приобретала в «Б. Далтонс», доставались Эбби: «Навсегда...» Джуди Блум, которая, девочки были уверены, рассказывала именно про них (кроме порнушки в конце), «Иакова я возлюбил» (Эбби про себя думала, что она – Луиза, а Гретхен – Каролина), «Z – значит Захария» (после которой Гретхен снялись кошмары про ядерную войну) и книги В. К. Эндрюс, которые девочки проносили в дом Лангов, спрятав в самом низу сумки Эбби: «Цветы на чердаке», «Лепестки на ветру», «Сквозь тернии» и самая шокирующая – «Моя милая Одрина», полная бесконечных сексуальных извращений.

Но большую часть этих шести лет они провели в комнате Гретхен, составляя бесконечные списки и рейтинги: лучшие друзья, нормальные друзья, худшие враги, лучшие и самые противные учителя, какие учительницы должны пожениться с какими учителями, какой из школьных туалетов девочки больше предпочитали, где они будут жить через шесть лет, шесть месяцев или шесть недель, где они будут жить, когда выйдут замуж, сколько котят будет у кошек Гретхен и Эбби в общей сложности, какие цветовые гаммы выбрать для своих свадеб, действительно ли Адер Гриффин была законченной давалкой, или на нее просто наговаривали; и знали ли родители Хантера Приоле, что их сын – дитя Сатаны, или ему и их удавалось обманывать.

Этот непрерывный процесс самоклассификации напоминал вечный тест из журнала «Севентин». Эбби и Гретхен обменивались резинками для волос, жадно читали «УМ», «Тин», «Путешествия и жизнь в Европе», вместе мечтая об итальянских графах, немецких герцогинях, Диане, принцессе Уэльской, лете на Капри и лыжных дорогах в Альпах, где темноволосые европейские аристократы пригласят Эбби и Гретхен сесть в вертолет и станут возить по своим тайным поместьям, где эти кавалеры укрощали диких лошадей.

После того, как Эбби и Гретхен однажды тайком сходили на «Танец-вспышку», они иногда за обеденным столом снимали обувь и тыкали друг другу в пах ногами в носках. Эбби дождалась, пока Гретхен подцепит вилкой горох, и тыкала ступней ей в пах – тогда еда повсюду разлеталась, а папа Гретхен начинал кричать:

– Нельзя выбрасывать еду! Карен Карпентер умерла оттого, что мало кушала!

Родители Гретхен были твердыми рейгановскими республиканцами и каждое воскресенье проводили в центре в церкви св. Михаила, славя Бога и подъем по социальной лестнице. Когда начали показывать «Поющих в терновнике», Эбби и Гретхен непременно хотели посмотреть его на большом телевизоре, но мистер Ланг засомневался – он слышал, что содержание весьма сомнительно. Тогда Гретхен сказала:

– Пап, это как «Ветры войны» – практически сиквел!

Сухой, как песок, четырнадцатичасовой многосерийный фильм по сценарию Германа Вука, посвященный Второй мировой, был у мистера Ланга любимейшим телесериалом всех времен. Это название автоматически повлекло за собой папино благословение. Когда Гретхен и Эбби смотрели первую серию «Поющих в терновнике», пришедший домой мистер Ланг зашел на порог комнаты с большим телевизором, очень быстро понял, что это – совсем не «Ветры войны», и его лицо густо побагровело. Эбби и Гретхен были так увлечены жаркими любовными сценами посреди австралийских пустошей, что ничего не заметили, но через шестьдесят секунд после того, как ее муж вышел, в комнату вошла миссис Ланг, выключила телевизор, отвела девочек в гостиную и стала читать им назидание:

– Католическая церковь, может быть, и допускает грязные слова и изображения полуголых священников, спаривающихся, подобно животным, но в этом доме ничего подобного не будет! На сегодня телевизора хватит. Идите наверх и мойте руки. Ужин в духовке, мама ждет.

Оказавшись на середине лестницы, девочки, наконец, не выдержали, и Эбби так сильно засмеялась, что описалась.

* * *

Шестой класс выдался неудачным: за участие в забастовке в 81-м папа Эбби потерял свою работу авиадиспетчера. Он нашел место помощника менеджера в фирме по чистке ковров, но потом его тоже сократили. Семье Риверз пришлось продать жилище в Криксайде и переехать в дом на Райфл-Рейндж-Роуд. Проседающее здание напоминало коробку из кирпичей; оно сидело в тени четырех огромных сосен, которые полностью закрывали солнце и щедро осыпали дом паутиной и поливали смолой.

Тогда Эбби перестала приглашать Гретхен к себе на ночевку и начала заявляться, по сути, без приглашения в доме Лангов – сначала по выходным, потом и на неделе.

– Тебе здесь всегда рады, – сказал мистер Ланг, – ты для нас – как вторая дочь.

Нигде еще Эбби не чувствовала себя в такой безопасности. Она стала оставлять в комнате Гретхен пижаму и зубную щетку и готова была переехать, если бы разрешили. В доме Лангов всегда пахло кондиционированным воздухом и шампунем для ковров, а дом Эбби отсырел сто лет назад и, так и не высохнув, вонял плесенью в любое время года.

В 1984 году Гретхен пережила удар: ей поставили брекеты. Эбби тоже пережила удар, поняв, что политика может быть интересной, когда Уолтер Мондейл пошел на президентские выборы и объявил Джеральдин Ферраро кандидатом в вице-президенты. Эбби и в голову не пришло, что у кого-то могут быть возражения против первой женщины вице-президента, поэтому она прилепила стикер «Мондейл/Ферраро» на бампер родительской машины, а те так были заняты собственными экономическими проблемами, что не заметили. Потом Эбби прилепила такой же стикер на Вольво миссис Ланг.

Придя с работы, мистер Ланг прервал просмотр Эбби и Гретхен «Серебряных ложек»: он трясся от ярости и размахивал рукой с обрывками стикера (мистер Ланг хотел бросить их на пол, но они приклеились к пальцам)

– Кто это сделал?! – зарычал он сдавленным голосом, покраснев всем лицом под бородой. – Кто?! Кто?!

Тут Эбби поняла, что ее выгонят из дома Лангов навсегда за то, что она, сама того не понимая, совершила величайший из грехов – выставила мистера Ланга демократом. Эбби уже хотела признаться и отправиться в изгнание, но тут Гретхен развернулась, встала на колени на диване, опираясь обеими руками на спинку, и ответила:

– Она ведь станет первой женщиной вице-президентом в истории! Неужели ты не хочешь, чтобы я гордилась тем, что я – женщина?

– Наша семья хранит верность президенту! Дай тебе Бог, чтобы никто не увидел на машине твоей матери... это! Ты слишком мала для политики!

Он заставил Гретхен взять бритвенное лезвие и соскрести остатки стикера. Пока она это делала, Эбби стояла и смотрела, боясь, что сейчас ей влетит, но Гретхен так и не выдала подругу. В тот раз Эбби впервые видела, как она ссорится с родителями.

Затем был инцидент с Мадонной.

У Лангов о Мадонне и речи быть не могло, но, когда папа Гретхен уходил на работу, а мама – в один из девяти миллионов своих клубов (джазовая аэробика, силовая ходьба, книжный клуб, винный клуб, кружок шитья, совместные молитвы для женщин...), Гретхен и Эбби наряжались, как Меркантильные Девушки, и пели перед зеркалом. У мамы Гретхен была целая шкапулка для крестов – она практически провоцировала девочек!

Увешавшись десятками крестов и стоя перед зеркалом в ванной Гретхен, они начесывали волосы, добиваясь пышности, повязывали большие, свободные банты, отрезали у футболок рукава, красили губы в ярко-розовый, а веки – в ярко-голубой, иногда роняя косметику на белый ковер, закрывавший весь пол, и случайно на нее наступая. Затем Эбби и Гретхен брали расческу и щипцы для завивки и подпевали в них, как в микрофон, песне «Like a Virgin», игравшей в бумбоксе персикового цвета.

Гретхен распевала «Like a vir-ir-ir-ir-gin / With your heartbeat / Next to mine...», а Эбби искала карандаш для глаз в беспорядочной грудке косметики на полке. Вдруг голова Гретхен дернулась назад – это миссис Ланг оказалась между девочками, вырывая бант из волос дочери. Они так громко включили музыку, что не слышали, как она пришла домой.

– Я столько всего тебе покупаю! – кричала миссис Ланг. – И что ты делаешь?!

Кассета продолжала играть, Эбби стояла, как дура, и смотрела, как мама Гретхен гоняется за дочерью между двух постелей и бьет ее расческой. Эбби боялась, что миссис Ланг ее заметит; какой-то частью мозга она понимала, что надо прятаться, но продолжала стоять, как столб. Миссис Ланг загнала дочь в проход между двумя кроватями, и Гретхен свернулась на ковре и громко запищала. «You're so fine, and you're mine / I'll be yours / Till the end of time...» – пела Мадонна, а миссис Ланг снова и снова поднимала и опускала руку, обрушая удары на ноги и плечи Гретхен.

«Make me strong / Yeah, you make me bold...» – продолжала Мадонна. Мама Гретхен подошла к бумбоксу и ударила по кнопкам. Крышка поднялась, кассета еще играла, но миссис Ланг ее выдернула, размотав повсюду магнитную ленту. Стало совершенно тихо – только скрежет катушек в бумбоксе и тяжелое дыхание миссис Ланг.

– Убери все это. Скоро твой отец придет, – сказала она и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

Эбби переползла через кровать и посмотрела на Гретхен, лежавшую на полу. Та даже не плакала.

– Ты как? – спросила Эбби.

Подняв голову и посмотрев на дверь, Гретхен прошептала:

– Я ее убью... Только не говори, что я это сказала, – добавила она, утерев нос и подняв глаза на Эбби.

Эбби вспомнила, как прошлым летом они прокрались в комнату родителей Гретхен и открыли ящик в прикроватном столике ее папы: там, под старым номером «Ридерз Дайджест», лежал маленький черный револьвер. Гретхен его вынула и нацелилась сначала на Эбби, потом на подушки – сначала на одной постели, потом на другой – шепча: «Пиф-паф!»

Сейчас Эбби вспомнила этот «пиф-паф» и, глядя в сухие глаза Гретхен, поняла, что перед ней происходит нечто по-настоящему опасное. Но об этом Эбби никому не рассказала, а просто помогла Гретхен убраться, позвонила маме и попросила ее забрать. Если что-то еще и произошло тем вечером после возвращения папы, Гретхен об этом никогда не говорила.

Через несколько недель все это забылось, и Ланги взяли Эбби с собой на десять дней отдыхать на Ямайку. Они с Гретхен сделали себе дреды, постоянно звеневшие при ходьбе, Эбби заработала солнечный ожог, а еще Ланги с ней каждый вечер играли в «Уно», и Эбби почти каждый раз выигрывала.

– Ты шулер! – говорил папа Гретхен. – Поверить не могу, что дочь привела в нашу семью шулера!

Эбби впервые попробовала акулу, оказавшуюся на вкус как стейк из рыбы. Они с Гретхен тогда впервые поссорились: Эбби в их комнате постоянно слушала «Eat It» Странного Эла, и в предпоследний день обнаружила, что вся кассета облита розовым лаком для ногтей.

– Прошу прощения, – ответила Гретхен, выговаривая каждое слово, будто королева, – это была случайность.

– Нет, не была! – заявила Эбби. – Ты только о себе думаешь! Я – веселая, а ты – вредная!

Они все время пытались определить, кто из них была какой: в последний раз было решено, что Эбби – веселая, а Гретхен – красивая. Вредной никто из девочек до сих пор не был.

– А ты таскаешься за моей семьей только потому, что ты нищая! – огрызнулась Гретхен. – Господи, как ты мне надоела!

(У Гретхен постоянно болели зубы из-за брекетов, а у Эбби – голова из-за слишком тугих дредов.)

– Знаешь, какая ты? – продолжала Гретхен. – Ты тупая! Постоянно играешь свою дурацкую песню, хотя она – для детского сада! Мне надоело ее постоянно слушать! Песня дурацкая, и ты сама дурацкая!

Эбби заперлась в ванной, откуда маме Гретхен пришлось ее выманывать, когда пришло время ужина. Эбби ела на балконе, в одиночестве, терпя укусы насекомых. Когда той ночью погас свет, кто-то забрался в постель Эбби – это Гретхен нырнула под одеяло и прижалась.

– Прости, это я тупая, а ты классная, – прошептала она, обжигая ухо Эбби дыханием. – Эбби, не злись, пожалуйста. Ты – моя лучшая подруга.

* * *

В седьмом классе они впервые побывали на вечеринке, где танцевали медляк и обжимались. Эбби раскачивалась под «Time after Time» в паре с Хантером Приоле; потом они поцеловались с языком. Огромное пузо Хантера Приоле оказалось жестче, чем ожидала Эбби; владелец его сильно потел, пах отрыжкой, а его губы хранили вкус жвачки и колы. До конца вечера Хантер Приоле преследовал Эбби в надежде, что она ему даст, так что та, наконец, спряталась в туалете, а Гретхен отгоняла Хантера.

Потом наступил день, изменивший жизнь Эбби навсегда. Во время обеденного перерыва они с Гретхен относили на место свои подносы, обсуждая, что надо перестать питаться школьным фастфудом, как маленькие детки – пора приносить с собой здоровую пищу и обедать на воздухе, как все. Тут девушки увидели у окна для подносов Гли Уонамейкер – она заламывала руки и пальцы, глядя блестящими, покрасневшими глазами в большой мусорный бак. Оказалось, Гли положила пластинку для зубов на поднос, а потом выбросила в мусор и теперь не знала, в каком она пакете.

– Мне что, рыться в каждом?! – рыдала Гли. – Это уже третья пластинка... Папа меня убьет...

Эбби хотела уйти, но Гретхен твердо решила помочь Гли. Уильям, заведовавший столовой, отвел подруг на задний двор и указал на восемь черных пластиковых пакетов, доверху набитых теплым молоком, недоеденными квадратными пиццами, фруктовыми салатами, растаявшим мороженым, сырыми палочками картошки фри и сгустками кетчупа. Стоял апрель, на солнце остатки еды быстро нагрелись, и Эбби за всю жизнь не слышала худшей вони.

Она не знала, зачем они с Гретхен пошли помогать Гли. У Эбби не было ни пластинок, ни даже брекетов – все остальные их носили, но родители Эбби не хотели тратить деньги на стоматолога или что-либо еще. Эбби приходилось два раза в неделю надевать одну и ту же темно-синюю вельветовую юбку и носить две белые рубашки, которые от частой стирки уже становились прозрачными. Мама Эбби работала сиделкой на дому, и девушка стирала себе сама.

– Я целый день стираю для других, хоть ты делай что-нибудь сама! – говорила ей мама. – Или у тебя рук нет?

Папа Эбби некоторое время работал менеджером в молочном отделе «Фэмили Доллар», но после того, как он случайно пустил на полки партию молока с истекшим сроком годности, его уволили. Тогда мистер Риверз повесил табличку в магазине товаров для хобби «Рэндиз» и стал чинить двигатели самолетиков с дистанционным управлением, но клиенты жаловались, что он все делает очень медленно, и его заставли убрать табличку. Теперь у папы Эбби висела табличка «Починю любую газонокосилку за 20 долларов!» на бензоколонке «Оазис» на Коулмэн-Бульвар. Мистер Риверз теперь почти ни с кем не говорил, а только таскал сломанные газонокосилки во двор дома.

Эбби начинало казаться, будто она больше не выдержит; будто все, что она делает, бессмысленно; будто ее семья катится по наклонной плоскости, в конце которой – обрыв, и тащит ее за собой; будто каждая контрольная была вопросом жизни и смерти, и, если не сдать любую из них, ее стипендию отберут, а саму Эбби выгонят из Олбемарл, и они с Гретхен больше не увидятся.

Теперь, стоя за столовой перед восемью пакетами, источавшими жуткую вонь, она чувствовала, что вот-вот заплачет. Почему она помогает Гли, у которой папа – биржевой маклер? Почему ей никто не помогает?! Эбби не знала, почему, но в тот миг она изменилась: что-то в ее голове щелкнуло, и она вмиг посмотрела на все иначе.

Не обязательно было оставаться бедной – Эбби могла найти работу. Не обязательно было помогать Гли – но ведь Эбби могла это сделать! У нее был выбор – она сама будет решать, какой быть: можно было вести жизнь, полную безрадостного, нудного, бесконечного труда, или поймать волну и отрывать ее вовсю. В жизни было и плохое, и хорошее – можно только выбирать, что видеть. Мама Эбби замечала только плохое, но почему Эбби должна делать то же самое?

Стоя на заднем дворе в облаке вони от отбросов, оставленных всей школой, Эбби ощутила, как канал переключился, с ее мозга сняли солнечные очки, и весь мир стал светлее.

– Ужин в духовке – мама ждет! – сказала она, повернувшись к Гретхен, затем развязала ближайший пакет, вынула кусок недоеденной пиццы и закинула его на крышу, словно фри-сби, а потом по локти погрузила руки в океан вонючей, слизкой, несвежей еды. Когда подруги нашли пластинку Гли, все их волосы были в нитях расплавленного сыра, а рубашки покрыты остатками фруктового салата, но Эбби и Гретхен смеялись, будто сумасшедшие, бросаясь друг в друга вялыми салатными листьями и швыряясь картошкой фри в стену.

* * *

Восьмой класс оказался годом, когда по телевизору «блистали» Макс Хедрум и Спэдз Маккензи, папа Эбби принялся часами смотреть детские мультки субботним утром и спать на койке в своем сарае во дворе, а сама Эбби уговорила Гретхен сбежать из дома и поехать на велосипедах на Салливанс-Айленд по мосту Бен-Соьер: мимо Земли пролетала комета Галлея, и все посреди ночи вышли на пляж, чтобы посмотреть. Эбби и Гретхен нашли свободное местечко, легли на спину посреди холодного песка и стали смотреть на миллионы звезд.

– Скажи, я правильно понимаю: по космосу плывет комок грязного снега в форме арахиса, и от этого все сходят с ума? – раздался в темноте голос Гретхен. Она не видела в науке ничего особенно романтического.

– Комета появляется только раз в семьдесят пять лет, – возразила Эбби, напрягая глаза и пытаясь понять, действительно ли крошечный огонек на небе движется, или ей только кажется. – Может, мы больше ее не увидим...

– Отлично. Потому что я умираю от холода, а в трусы мне забился песок.

– Как ты думаешь, – спросила Эбби, – мы останемся подругами до тех пор, когда она появится снова?

– Мы, наверно, уже умрем.

Посчитав в уме, Эбби поняла, что им будет по восемьдесят восемь лет, но сказала:

– В будущем все будут дольше жить – может, и не умрем.

– Зато мы не будем знать, как переводить часы на видеоманитфонах, состаримся, станем ворчать на молодежь и, как мои родители, голосовать за республиканцев, – заявила Гретхен. Они с Эбби совсем недавно брали в прокате «Клуб «Завтрак», и теперь взросление казалось им хуже всего на свете.

– Мы не станем, как они, – сказала Эбби. – Не обязательно становиться скучными.

– Ты убьешь меня, если я перестану быть счастливой? – попросила Гретхен.

– А то.

– Нет, серьезно. Я только из-за тебя до сих пор не сошла с ума.

Короткая тишина, затем Эбби переспросила:

– А кто сказал, что ты не сошла с ума?

Гретхен ее стукнула, потом сказала:

– Пообещай, что всегда будешь со мной дружить.

– ПДНН, – ответила Эбби. У них это означало «Я тебя люблю» – «По-Дружески, Но Нежно».

Они лежали на ледяном песке, чувствуя, как под ними вращается земля, и дрожали от ветра, что дул с воды, а за пять миллионов километров от их планеты, в холодном, темном, далеком космосе, проплывал ледяной шар.

Тусить круглые сутки ⁴

– Хотите оторваться как следует? – спросила Маргарет Миддлтон.

Лодка «Бостон Уэйлер» покачивалась на крошечных волнах, температура которых совпадала с температурой человеческой крови. Четыре подруги уже почти целый час стояли на воде в тишине, прикрыв глаза, задрав ноги, греясь на солнце и кивая головами в такт Бобу Марли, негромко подпевавшему через бумбокс. Сначала они отправились к Уодмало кататься на водных лыжах, а когда Гретхен полностью выдохлась, Маргарет завезла их в бухту, приглушила мотор, бросила якорь и оставила лодку качаться на воде. За последний час самыми громкими звуками были редкие щелчки зажигалки, когда одной из подруг надо было зажечь сигарету «Мерит Ментол», и аппетитные хлопки открытой банки холодного «Буша», раздававшиеся на фоне непрекращающегося шелеста камышей.

Первым, что увидела Эбби, очнувшись от дремоты, была Гли, с грохотом достававшая из холодильника банку пива. Гли скорчила гримасу, спрашивавшую «Хочешь?». Эбби протянула руку, хрустя солью, засохшей на коже, и сделала большой глоток «Буша» – теплого, освежающего, превосходного «Буша», их любимого напитка (главным образом потому, что старушка, управлявшая «Митчелс», продавала им целый ящик этого пива за сорок долларов, не спрашивая удостоверений личности).

Эбби переполняло ощущение единства с остальными тремя. Здесь не было никаких забот, не надо было говорить или пускать пыль в глаза, тут можно было заснуть прямо друг перед другом. Настоящий мир остался далеко-далеко.

Эти четверо были лучшими подругами. Кое-кто называл их «мокрошелками», «барахольщицами» или «поющими трусами», но подругам было совершенно насрать. Гретхен была второй лучшей ученицей в своем классе, а остальные трое не выходили из верхней десятки. Они были отличницами, выделялись идеальным поведением, состояли в Национальном почетном обществе и волейбольной команде, занимались волонтерством – словом, как однажды сказал Хью Хортон в знак величайшего почета, какали конфетками.

Давалось это нелегко – девочкам приходилось о многом думать: о нарядах, прическах, косметике (особенно много об этом думала Эбби) и оценках. Впереди у Эбби, Гретхен, Гли и Маргарет было блестящее будущее.

Маргарет сидела на месте рулевого, закинув ноги на водные лыжи и испуская облака дыма с ароматом мяты. Маргарет Максимум – богатая до тошноты, из чарльстонских «старых денег», рожденная американкой и сотворенная южанкой по милости Господней. Километровые руки и ноги этого блондинистого качка с женским телом занимали половину лодки. Маргарет вся была «слишком» – слишком яркие губы, слишком светлые волосы, слишком кривой нос, слишком громкий голос.

Гли, что сейчас зевала и потягивалась, была ее прямой противоположностью. Она представляла собой женскую версию Майкла Джея Фокса – крошечная, загорелая девочка, до сих пор покупавшая обувь в детском отделе. Летом ее кожа становилась темной, как каштан, а пупок и вовсе черным. Волосы Гли были мелированы в семь разных оттенков каштанового; глаза у нее были печальными, как у щеночка, а носик – как у коалы, но при этом Гли всю жизнь привлекала излишнее мужское внимание, так как начала развиваться рано, не соответствуя и своему росту. Кроме того, Гли была страшно умной – маленькой яппи до мозга костей. У Гли был красный «Сааб», и подарил его не папа: деньги на первый взнос она заработала на фондовой бирже. Все, что сделал папа – вывел на биржу ее акции.

⁴ «Party All the Time» – песня Эдди Мерфи (1985 г.)

Лежавшая на носу Гретхен, подняв лицо с полотенца, тоже отпила «Буша». Гретхен – казначей школьного церковного совета, основательница Клуба по переработке мусора и школьного филиала «Эмнести Интернешнл», а также, если верить надписям в туалете, самая горячая штучка в десятых классах. Высокая, стройная, гибкая, светловолосая, она была словно создана для своих платьев в цветочек от Лоры Эшли и топиков «Эспри». Принцесса Гретхен представляла собой прямую противоположность Эбби – та еле доставала подруге до плеч, очень ярко красилась и носила «химию», будто официантка в забегаловке для дальнобойщиков. Эбби прилагала все усилия, чтобы не задумываться о своей внешности, и, как правило, особенно в такие дни, ей это удавалось.

Понемногу подруги начали зажигать сигареты, открывать пиво и возвращаться в миг, хлопая глазами. Маргарет вынула из сумки черный цилиндр из-под фотопленки и, подняв, чтобы всем было видно, спросила:

– Хотите оторваться как следует?

– Что это? – спросила Эбби.

– Кислота! – ответила Маргарет. Боб Марли из бумбокса внезапно показался совсем невинным.

– Где взяла? – Гретхен заворочалась на полотенце.

– Украла у Райли! – соврала Гли.

В своей огромной семье Маргарет была единственной дочкой. Райли был ее старшим братом, вторым по старшинству среди всех, и знаменитым торчком: когда он не учился в чарльстонской Сокровищнице Знаний, то лежал на реабилитации в Фенвик-Холле, мирном пристанище для богатейших алкоголиков округа. Прославился Райли тем, что в клубе «Уиндджеммер» подсыпал девушкам в напитки вещества и, дождавшись потери сознания, трахал их на заднем сиденье своей машины. Но, когда очередная девушка вдруг пришла в себя, сломала Райли нос и побежала по Оушен-Бульвар с голой грудью, вопя во весь голос, веселью пришел конец. Поскольку Райли происходил из хорошей семьи и у него вся жизнь была впереди, судья посоветовал родителям девушки не возбуждать дело, и в конечном итоге братец Маргарет отделался годовым домашним арестом. Теперь Райли переезжал из одного дома Миддлтонов в другой, из Уодмало в Сибрук, потом в Салливанс-Айленд, потом в центр Чарльстона, чтобы не попадаться папе на глаза. Предполагалось, что он ходит на собрания анонимных алкоголиков, но в основном Райли торговал наркотиками.

В свете всего вышесказанного, Райли был величиной известной – если бы Маргарет и Гли сказали Гретхен правду о том, где взяли кислоту, она никогда бы ее не приняла. А если уж подруги собирались упарываться, то либо они делали это все вместе, либо вообще не делали – так они поступали во всем.

– Не знаю... не хочу закончить, как Сид Барретт, – засомневалась Гретхен. Сид Барретт был первым фронтменом Pink Floyd и в шестидесятых так упарывался кислотой, что в конце концов расплавил себе мозг. Теперь, двадцать лет спустя, он жил у мамы в подвале и собирал почтовые марки. Иногда, когда ему становилось получше, Сиду удавалось доехать на велосипеде до здания почты. Гретхен была уверена: если один раз принять кислоту, то со стопроцентной вероятностью закончишь, как Сид Барретт, и никогда не вернешься к нормальной жизни.

– Брат говорил, что в прошлом году Сид выпустил новый альбом, где все песни были про почтовые марки, – сказала Гли.

– Представь, если то же будет со мной! – воскликнула Гретхен.

– Ты даже марки не собираешь! – Маргарет выпустила очередное облако дыма с драматическим видом. – Тебе даже петь будет не о чем.

– Я приму кислоту, если ты пообещаешь отвезти весь мусор из клуба в центр для переработки! – Гретхен попыталась договориться с Маргарет. В ответ та кинула окурок в ручей:

– На, перерабатывай, хиппарка недоделанная!

– Гли? – Гретхен обернулась к ней.

– Мусорные пакеты протекут, и мне в машину слетятся осы!

Тогда Гретхен выпрямилась, вытянула руки над головой, касаясь пальцами неба, и ответила:

– Спасибо за поддержку! Все, как обычно.

С этим она подняла длинную ногу, сошла с носа, беззвучно упала в воду и не всплыла. Ничего страшного, впрочем, – Гретхен могла задерживать дыхание на сколько угодно, а ледяная вода у дна реки была ей приятна. Как бы Гретхен не желала спасти планету, она никогда не занудствовала насчет этого – за это ее и любили.

– Скажешь ей, где мы взяли кислоту – морду набыю, – пообещала Маргарет Эбби.

Лето 88-го выдалось лучшим летом истории. В том году вышли песни «Pour Some Sugar on Me» и «Sweet Child O' Mine», и все деньги Эбби уходили на топливо – она наконец-то получила права и могла водить машину даже затемно. Каждый вечер в 23:06 они с Гретхен опускали стекла, высовывались из окон и бездумно кружили по Чарльстону – плавали на пляже, тусовались на рынке в старом городе с ребятами из Джеймс-Айленда, курили на парковке у парка и стрелкового клуба и смотрели, как «солдатики» из военного училища «Цитадель» дерутся, словно петухи. Как-то раз Эбби и Гретхен всю ночь просто ехали по 17-му безо всякой цели, скурили целую пачку «Парламента» под «Fast Car» и «Talkin' Bout a Revolution» Трейси Чепмен, проигрывая песни снова и снова, и только перед самым рассветом повернули домой.

Маргарет и Гли тем временем почти все лето провели, сидя в машине Гли и дожидаясь, пока драгдилеры материализуются из воздуха. В их классе еще никто не употреблял кислоту, кроме самых оторванных, и Маргарет обязательно надо было, чтобы она и ее подруги стали первыми «нормальными» среди упарывающихся. Точно так же, как они стали первыми девочками, что принесли на физкультуру справку о месячных и не пошли, первыми в классе, сходящими на чей-либо живой концерт (Синди Лопер) и получившими водительские права (не считая Гретхен – та не всегда помнила, где право, где лево).

Своему проекту по добыче кислоты Маргарет и Гли посвятили несколько месяцев, но ни одна сделка не удалась. Эбби, начинавшая жалеть Гли, предложила подвезти их на своем Пыльном Катышке в следующий раз, когда Маргарет задумает предпринять длинную поездку в никуда за наркотой, но это предложение привело и Гли, и Маргарет в ярость:

– Ага, сейчас! Я не пущу тебя за руль! Наша с тобой прошлая школа располагалась в здании, названном в честь моего деда! – возмущалась Маргарет.

– А фирма моего папы владеет акциями нашей школы, – добавила Гли.

– Если засекут нас, то временно отстранят от занятий – считай, отправят на внеочередные каникулы. Если засекут тебя, ты вылетишь из школы навсегда, не доучишься и будешь работать консультантом в магазине электроники. Такие подруги мне не нужны!

С точки зрения Эбби, совершенно незачем было так нагнетать ситуацию. Да, Эбби держалась в школе только потому, что ей удалось получить стипендию с кучей условий и оговорок, но оценки у нее были первый сорт, и академия Олбемарл не стала бы избавляться от нее при первом же поводе. Однако спорить с Маргарет было невозможно, и тогда Эбби просто предложила заплатить Гли за бензин, обрадовавшись про себя, когда та отказалась.

Последнее наркосафари привело Гли и Маргарет на парковку перед рыболовным магазином на Фолли-Бич. Там они два часа просидели в машине Гли, пока шел ливень. Когда Маргарет, наконец, добралась до телефона-автомата, выяснилось, что их контакт засекали (а не он почему-то очень долго тянул с сигналом). Тогда подруги отправились в его номер в «Холидей-Инн» (а что еще было делать?), где обнаружили, что копы не просто оставили дверь нараспашку, но и не заметили товар, спрятанный под матрасом. Маргарет и Гли такой ошибки не совершили.

Конечно, когда вы находите заначку с ЛСД под матрасом в «Холидей-Инн», где ее спрятали двое незнакомых чуваков, которые теперь в тюрьме, всегда есть вероятность, что в нее подмешан стрихнин или что похуже. С другой стороны, есть вероятность, что в нее не подмешан стрихнин или что похуже, и Эбби всегда предпочитала надеяться на лучшее.

Вынырнув на поверхность, Гретхен выплюнула окурочек на палубу, и он пристал к огромному бедру Маргарет.

– О господи! – завопила та. – Откуда ты знаешь, может, это не мое?! Может, там СПИД?!

Гретхен набрала в рот воды, выпустила ее фонтанчиком на палубу и ответила:

– Спидом так не заразишься. Все знают, что СПИДом можно заразиться, только если будешь сосаться с Уоллесом Стоуни.

– У него нет СПИДа! – возразила Маргарет.

– Естественно, зато есть герпес, – заметила Гли. Маргарет выглядела очень недовольной.

– Как он на вкус? – поинтересовалась Гретхен, подтянувшись за край лодки и глядя прямо Маргарет в глаза. – Как на вкус эти язвы на губах? Как вечная любовь?..

Они очень долго смотрели друг на друга, потом Маргарет ответила:

– Это не язвы, а прыщи, чтоб ты знала. На вкус, как Клерасил.

Обе рассмеялись. Гретхен оттолкнулась от лодки и, плавая на спине, пообещала небу:

– Хорошо, буду торчать с вами. Только обещай, что у меня не будет мозговой травмы.

– Куда уж еще травмы, – ответила Маргарет, прыгнула на Гретхен, чуть не перевернув лодку, и, обхватив подругу за шею, затащила ее под воду. Обе тут же вынырнули, плюясь, хватая друг друга, со смехом и криками: «Убивают!»

Подруги поплыли обратно к Маргарет на причал. Солнце садилось, становилось холодно, и Эбби обернула плечи полотенцем, развевавшимся на ветру. Гретхен же ловила ветер в щеки, и он раздувал их, будто воздушный шар. К лодке пристали три дельфина, следовавшие за ней пару сотен метров, затем отстали и вернулись в море. Маргарет сделала вид, что стреляет по дельфинам из пальцев, Гретхен и Эбби, обернувшись, смотрели, как звери, серые, как асфальт, ныряют и выныривают, мелькая среди волн и удаляясь прочь.

Привязав лодку у причала Маргарет, подруги стали складировать лыжи на заднем дворе. Гретхен осталась у лодки рядом с Эбби, обхватив себя руками.

– Ты тоже будешь? – спросила она Эбби.

– А то!

– Боишься?

– А то!

– Зачем тогда?

– Мне интересно – вдруг в «Dark Side of the Moon» есть какой-то скрытый смысл?

Гретхен даже не засмеялась:

– Вдруг у меня откроется шестое чувство и больше не закроется? Вдруг я увижу и услышу всю энергию на планете... а приход никогда не кончится?

– Я буду тебя навещать в дурке в Саутерн-Пайнс. Твои родители, наверно, добьются, чтобы в твою честь назвали... я не знаю, крыло для лоботомии.

– Да, было бы круто, – согласилась Гретхен.

– Очень круто! Мы всегда будем вместе, как пловцы из одной команды... торчки из одной команды.

– Обязательно напомни мне, чтобы я сегодня позвонила маме, – попросила Гретхен, высасывая соленую воду из кончиков своих пряжей. – Мне нужно отметить в десять.

– Я посвящу этой благородной задаче всю свою жизнь!

– Топчик. Тогда пойдем убивать мой мозг.

Побросав снаряжение в кучу на заднем дворе, все четверо стали мыть его из шланга.

– Очистительные клизмы! – крикнула Эбби, направляя струю Маргарет в зад.

– Не путай меня с мамой! – откликнулась та, спасаясь бегством в направлении дома.

Эбби повернулась в сторону Гли, но Гретхен начала обжимать шланг. Началась неразбериха, но тут на веранду выплыла Маргарет с маминым серебряным подносом для чая и пропела:

– Леди, вечерний чай!

Подруги собрались вокруг подноса под вечнозеленым дубом. На подносе было четыре фарфоровых блюдца, и на каждом – маленькая марка из белой бумаги с синим единорогом.

– Это и есть кислота? – переспросила Гретхен.

– Нет, я просто принесла бумаги пожевать! – парировала Маргарет. – Конечно, кислота!

Гретхен хотела осторожно потрогать марку пальцем, но тут же отдернула, даже не прикоснувшись – все знали, что ЛСД впитывается через кожу. Наверно, надо было более торжественно к этому отнестись – принять душ или перекусить перед делом... Может, не надо было весь день дуть пиво под жарким солнцем?.. Они все делали неправильно! Эбби чувствовала, как у всех, включая ее саму, трещат нервы, и поэтому, стоило только Гретхен совершить вдох, готовясь изложить какую-нибудь отговорку, Эбби мигом схватила марку и сунула в рот.

– Как на вкус? – спросила Гретхен.

– Как дырка от бублика, – ответила Эбби. Маргарет и Гли тоже сунули марки в рот, и только потом, наконец, Гретхен.

– Ее надо жевать? – проямлила она, пытаясь не шевелить языком.

– Сосать, – проямлила Маргарет в ответ.

– Сколько?

– Успокойся уже, зануда! – рявкнула Маргарет неподвижным языком.

Над болотом догорал ярко-оранжевый закат. Эбби смотрела на него и ощущала, что в ее жизни произошло нечто необратимое. Она приняла ЛСД. Теперь он навсегда в ее организме, окончательно и бесповоротно. Что бы ни произошло дальше, придется с этим жить. Заходящее солнце пылало и пульсировало над горизонтом. Интересно, подумала Эбби, казалось бы оно таким же ярким без кислоты? Она рефлексивно проглотила бумажку... и пришла в ужас. Все. Теперь Эбби пересекла черту, из-за которой не возвращались. Сделанного было не разделить.

– Никто ничего не слышит? – спросила Гли.

– Дура, прихода надо часами ждать! – ответила Маргарет.

– А, то есть у тебя всегда был свиной пяточок на роже? – переспросила Гли.

– Не надо так говорить, – попросила Гретхен. – Мне совсем, совсем не нужен бэд-трип.

– Слышите, все помнят миссис Грейвз в шестом классе? – опять Гли. – Про наклейки с Микки Маусом?

– О-о-о-о, это было что-то! Все помнят, да? Как она нам читала проповеди про сатанистов, которые в Хэллоуин раздают детям наклейки с Микки Маусом, пропитанные ЛСД, и если их лизнуть, у тебя будет бэд-трип и ты убьешь своих родителей... – но тут Гретхен обеими руками зажала Маргарет рот:

– Замолчи... замолчи...

Темнело. Подруги легли на заднем дворе, стали курить и говорить о хорошем: почему у Максимилиана Баскирка такая странная задница, какое в этом году расписание тренировок и игр по волейболу, стоит ли подарить тренерше Грин женский станок, чтобы та брила верхнюю губу, и на каком уровне привлекательности находился отец Морган – уровень Ральфа из «Поющих в терновнике», средний уровень или уровень «школьный учитель ниже среднего»? Гли рассказала им о новом венерическом заболевании, о котором она где-то вычитала и которым почти стопудово страдала Лэйни Отт, и все это время каждая тайком ожидала, когда дым сигареты превратится в дракона или деревья начнут танцевать. Ни одной не хотелось словить приход в последнюю очередь.

В конце концов повисла уютная тишина. Только Маргарет мурлыкала какую-то песню, услышанную по радио, и хрустела суставами на пальцах ног.

– Пойдем поглядим на светлячков! – предложила Гретхен.

– Без базара, – ответила Эбби, отталкиваясь от земли.

– Пипец вы сладкая парочка... – сказала Маргарет. Эбби и Гретхен пересекли двор и выбежали на просторы между домом и лесом. Зеленые светлячки с горящими хвостами летали над высокой травой, а небо приобретало лавандовый оттенок – обычный цвет неба в сумерках на природе.

– Покружи меня! – Гретхен подбежала к Эбби. Они взялись за руки и закружились, откинув головы назад, пытаясь вызвать приход, но, в конце концов, упали в траву всего лишь с кружащейся головой.

– Я не хочу, чтобы Маргарет отрывала у светлячков хвосты! Надо купить этот участок земли и сделать тут заповедник, чтобы никто не испортил ручей! – сказала Гретхен.

– Надо, – согласилась Эбби.

– Смотри – звезды! – Гретхен указала на первые звездочки, появившиеся на темно-синем небе. – Обещай, что никогда не бросишь меня.

– И ты меня не бросай. А я буду твоим верным ЛСД-носцем – куда ты, туда и я.

Они взялись за руки в траве. Эбби и Гретхен никогда не стеснялись трогать друг друга, и их не останавливало даже то, что в пятом классе Хантер Приоле обзывал их лесбухами. Его просто никто никогда не любил.

– Хочу тебе сказать... – начала Гретхен, но тут из темноты вырос огромный силуэт Маргарет. Она нарисовала себе под глазами две светящиеся полосы, используя оторванные хвосты светлячков как краску.

– Пойдем – приход начинается! – заявила Маргарет.

Число Зверя ⁵

Четыре часа спустя на глазах у Эбби цифры 11:59 на радио-часах сменились на 12:00. Приход определенно не начинался. Подруги, разбросавшиеся по обширной спальне Маргарет, не ощущали ничего, кроме скуки.

– Кажется, они оставляют в воздухе химтрейлы! – радостно воскликнула Эбби, шевеля пальцами в воздухе и глядя на них.

– Я уже девять миллионов раз тебе говорила – нет у тебя глюков, – вздохнула Маргарет. Пожав плечами, Эбби снова начала копаться в коробке из-под обуви, где Маргарет хранила музыку, в поисках что бы поставить.

– Ты че, серьезно делаешь домашку?! – рявкнула Маргарет.

– Мне скучно, – ответила Гли. Они сидела на полу, прислонившись к кровати, и серьезно делала домашку.

– Хочешь The Proclaimers? – спросила Эбби.

– Нет!!! – заорала Маргарет.

– Ну одна-то хорошая песня у них есть? – не отставала Эбби.

– Тоска... Я вообще ничего не чувствую, – застонала Маргарет, откидываясь обратно на спинку кресла. – Давайте, что ли, побухаем... Гли, бросай домашку, или сейчас получишь!

Эбби поглядела на другой конец комнаты – там у окна стояла Гретхен, заплетая себе косички и расплетая их обратно. Эбби подошла к ней:

– На что смотришь?

– На светлячков, – ответила Гретхен. Эбби выглянула в задний двор. В спальне не было света, кроме пары свечей, так что темнота была достаточно плотной, чтобы можно было разглядеть двор, за которым начинались черные контуры деревьев.

– На каких светлячков? – переспросила Эбби.

– Они спрятались, – сказала Гретхен.

– Хотите, поговорим с дьяволом? У меня есть спиритическая доска, – предложила Маргарет.

– Ты знаешь, что зубная паста «Крест» – это орудие сатаны? – спросила Гли, оторвавшись от своего файла с домашней работой.

– Гли!..

– Это правда! Если сбоку посмотреть на тубик, там есть изображение старика с рогами и бородой, завитой, как три шестерки, а вокруг него – тринадцать звезд. А твои спиритические доски делаются у «Паркер-Бразерс» – того же производителя, что выпускает «Монополию» и прочие настолки для детей.

– Ну и что? – вздохнула Маргарет.

– Ну и то, что если хочешь вызвать дьявола, легче почистить зубы, а не устраивать сеанс.

– Спасибо, зануда.

В темной комнате стало тихо. Гретхен зевнула, спрятав лицо в локоть. Кому-то нужно было спасти положение, и, как обычно, этим человеком оказалась Эбби.

– Пойдемте устроим нудистское купание! – предложила она.

– Ну нафиг, холодно, – отказалась Маргарет, но Эбби настаивала:

– Ненадолго!

Предложение выйти на воздух было соблазнительным.

– Пойдем! – Гретхен оттолкнулась от подоконника и направилась к выходу.

⁵ «The Number of the Beast» – песня Iron Maiden (1982 г.)

– Сейчас, доделаю тригонометрию... – сказала Гли, но Маргарет подошла к ней и захлопнула тетрадь:

– Пойдем, лохушка, не порти мне кайф!

Четверо подруг пронеслись вниз по трем лестничным пролетам, включили фонари в саду и высыпали наружу.

– Давайте выключим фонари, чтобы было видно звезды! – предложила Гретхен.

– Эбби, выключатель у черного хода! – скомандовала Маргарет. Эбби потопала вверх по лестнице, нашла за микроволновкой выключатель, и в саду снова стало темно. Небо тут же стало светлее, а пение сверчков – громче. Над горизонтом, прямо над верхушками деревьев, висела толстая оранжевая луна. Ночь как будто прислушивалась к подругам.

– Так красиво... – Гретхен говорила это как раз, когда Эбби тихонько спустилась обратно. Некоторое время подруги молча смотрели на луну, стараясь вызвать у себя приход, но луна оставалась на своем месте, не проявляя нестандартного поведения. Затем Гретхен стянула футболку и с криком «Берегитесь моих великолепных сисек!» бросилась к причалу, сбрасывая одежду и расстегивая лифчик на ходу. Со своими длинными ногами она скрылась во тьме чуть ли не в два широких шага.

– Стой! Сейчас отлив! – крикнула Маргарет, но Гретхен не остановилась. До подруг донесся стук ее ног по деревянному причалу.

– Гретхен, не прыгай! – закричала Эбби, и они с Маргарет бросились к воде, Гли позади, по дороге наступая на шорты и белье Гретхен, валявшиеся в траве. Впереди раздался «Плюх!» в мелкой воде.

– Сука, – сказала Маргарет.

Добравшись до воды, они убедились, что действительно был отлив – лишь тонкая грязная серебристая водная нить пробегала между двумя высокими отмелями. Эбби так и видела, как Гретхен разбивает себе колени о землю или падает в лужу, рассекая себе все лицо об устричную банку, которой не видно под водой глубиной в метр.

– Гретхен! – позвала она, добежав вместе с Маргарет до перил у конца причала, но ответа не было.

– Где Гретхен? – спросила Гли, догнав их.

– Прыгнула, – ответила Эбби.

– Дерьмо... Она жива?

Они несколько раз позвали Гретхен и посмотрели в обе стороны ручья, над которым разносилось эхо, но ее нигде не было. Эбби спрыгнула с причала на понтон.

– Здесь водятся аллигаторы! – предупредила Маргарет. Эбби снова позвала:

– Гретхен!

Тишина. Эбби поняла, что ей придется искать.

– У тебя есть фонарик? – обратилась она к Маргарет. – Надо вытаскивать лодку.

– Чтобы наехать этой лодкой ей на голову? Гениально!

– А что тогда делать?

– Она может на сто лет дыхание задержать. Подожди, пока вылезет!

Понтон покачивался на волнах.

– А вдруг она ударилась головой? – спросила Эбби.

– А тут правда водятся аллигаторы? – спросила Гли.

Камыши зашевелились, и Эбби дернулась – может, это аллигатор?! Какие звуки издают аллигаторы? Это ночные животные? Эбби не знала. Почему в школе не учат ничему полезному?!

Эбби очень не хотелось прыгать в воду, и она снова заскользила глазами вдоль ручья в поисках Гретхен. На другой стороне камыши тоже зашевелились – приглядевшись как следует, Эбби различила тень, вышедшую из темноты и направившуюся к воде. Продолжая вглядываться

ваться во тьму, она увидела не похожий на человека силуэт – он прополз по отмели к черному потоку, несущемуся в море, и с глухим плюхом упал в воду. С воды подул резкий ветер – стало холодно. Лето вдруг закончилось.

– Гретхен!!! – крикнула Гли.

– Где? – воскликнула Эбби.

– Вон там, куда я показываю!

– Темно, я не вижу, куда ты показываешь!

– Налево, на излучину!

Эбби посмотрела, куда показывала Гли, закрывая глаза рукой от ярко-оранжевой луны. Далеко внизу по течению, где ручей исчезал за покрытым камышом берегом, поворачивая к океану, она увидела бледную высокую фигуру ростом с Гретхен, пробиравшуюся по чернозему к деревьям.

– Гретхен! – крикнула Эбби, сложив руки рупором, но фигура не остановилась. Эбби окликнула Маргарет:

– Как туда спуститься?

Над Эбби раздался щелчок зажигалки, за которым последовал запах мяты и ответ Маргарет:

– Видишь, с Гретхен все хорошо.

Но Эбби знала, что не хорошо – Гретхен страдала топографическим кретинизмом и, скорее всего, не смогла бы найти дорогу к дому. А вся ее одежда осталась у Эбби, кроме, разве что, кроссовок.

– У тебя есть фонарь? – повторила Эбби.

– Не разводи кипиш, она через пять минут будет здесь!

– Пойду за ней, – сказала Эбби, поднимаясь по трапу. – Дай-ка мне сигарету.

Маргарет протянула ей сигарету и сверкнула Эбби в глаза оранжевым огнем. В следующий миг Эбби втягивала мятный дым, глядя на световые зайчики перед глазами. Ее сердце колотилось, как бешеное, хотя она ни за что не призналась бы в этом подругам.

– Скоро буду.

– Смотри, тут змеи! – крикнула Маргарет ей вслед. Очень вовремя.

Эбби пересекла луг, заросший высокой травой, и скрылась среди деревьев, мгновенно потеряв дом, звезды и небо – над головой была только черная масса веток. Единственными звуками были крики цикад, листья, хрустевшие под ногами, и иногда свист комаров над ухом. Эбби казалось, будто кто-то подслушивает ее шаги – она старалась ступать как можно тише и держаться речки. Слева от нее начиналась совершенная тьма.

Когда Эбби достигла небольшой поляны у излучины, сигарета уже сгорела до самого фильтра. Эбби бросила окурки в воду, надеясь, что Гретхен тут же появится с требованиями не обижать мать-природу, но тщетно.

– Гретхен? – прошептала Эбби во тьму. Нет ответа.

– Гретхен? – повторила она чуть громче.

Эбби увидела дорожку, где камыш был притоптан, а ил покрыт следами – наверно, это Гретхен выбиралась из воды. Эбби встала на верху берега, куда вела дорожка, и вгляделась в рощу. Листья шелестели на сильном ветру, а цикады все так же кричали, но тут где-то послышался одинокий гулкий стук, от которого у Эбби сжалось сердце.

– Гретхен! – воскликнула она нормальным голосом, но деревья по-прежнему не отвечали. Эбби поскорее шагнула в рощу, чтобы не струсить и не передумать. Она шагала прямо, стараясь думать, как Гретхен: куда бы она пошла? Куда бы повернула? Пара секунд, и Эбби со всех сторон окружила тьма, так что взгляду было не за что зацепиться. Ее глаза расфокусировались, беспомощно скользя по мраку и пытаясь выявить в нем очертания предметов, но Эбби продолжала углубляться в рощу, держа перед лицом руку, чтобы не сломать нос о дерево.

Наконец, деревья стали реже, и тускло-серая луна осветила нечто черное и прямоугольное, возвышавшееся над землей – Эбби вышла на опушку. Замедлив шаг, она поняла, что перед ней разрушенный блокауз в одну комнату: крыша обрушилась, толстые бетонные стены обгорели до черноты. С простого здания на Эбби смотрело одинокое слепое окно – невозможно было отделаться от ощущения, что за ней оттуда наблюдали. Вдруг Эбби увидела, что в темноте внутри здания что-то шевелится, и поняла, что цикады перестали кричать.

Сердце Эбби работало на четвертой передаче. Она не знала, где находится. Она никогда не слышала, что в роще есть здания. Внутри не должно было ничего быть – и все же, что-то внутри башни двигалось, и Эбби не могла отвести взгляда. Темнота внутри была гуще, чем снаружи, и через окно Эбби видела, как мрак извивается, перекачивается, идет волнами. Из-под земли доносилось зловещее гудение, вибрации которого она чувствовала ногами. Вдалеке послышался звук охотничьего рога. Эбби крепче сжала шорты и футболку Гретхен, которые держала в руках.

Конечно же, это кислота! Просто приход наконец-то наступил, и все. Эбби могла просто развернуться и уйти – ничего плохого с ней не будет. ЛСД – тяжелый наркотик, но от него никому еще не было плохо, кроме, может, Сида Барретта. Нужно было просто развернуться и уйти. Бояться было нечего – все это было не по-настоящему.

И тут из дома раздался мужской голос:

– Эбби!

Кто-то назвал ее имя в темноте. Обычный мужской голос, позвавший ее по имени обычным тоном – никаких звуковых модуляций, ничего пугающего.

Руки Эбби стали ледяными. В ее мозгу что-то перещелкнуло, и она бросилась бежать, спотыкаясь, паникуя и натываясь на деревья. Кто-то гнался за ней! Вот-вот он схватит ее за футболку и затащит обратно в темную хижину, и Эбби убегала от него.

Она держалась более светлой части рощи и бежала, наталкиваясь на стволы, спотыкаясь о бревна, вбегая в кусты; шипы царапали ей голени, ветки били по глазам, волосы зацепились за что-то и дернулись назад, но Эбби продолжала бежать, вырывая волосы с корнем. Впереди становилось светлее – роща заканчивалась. Эбби была почти у цели! Ей хотелось кричать, и тут в лицо ей ударил свет.

– Воу! – сказала Маргарет. Вылетев из леса, Эбби упала на четвереньки. Перед ней среди травы, достававшей им до пояса, стояли Маргарет и Гли. Они были вдали от берега – дальше, чем Эбби думала. Она оттолкнулась от холодной травы, поднимаясь на ноги, с криком:

– Сзади меня!

Отведя луч фонаря от лица Эбби, Маргарет пробежала им по деревьям. В искусственном свете стволы были маленькими, грязными и совсем не страшными.

– Ты кого-то видела? – спросила она.

– Где Гретхен? – спросила Гли.

– А она не с вами? – Эбби пыталась отдышаться.

– Сука... – сказала Маргарет. Они с Гли начали ходить вдоль края рощи, светить фонарем вглубь и звать Гретхен. Эбби заметила, что с ней были только шорты Гретхен – футболку она, наверно, уронила где-то в лесу. Эбби почему-то стало очень грустно, как будто она сломала нечто дорогое и незаменимое. Но идти обратно и искать она не собиралась – Эбби вообще не собиралась возвращаться в рощу. Ни за какие коврижки.

Вскоре паника прошла, и Эбби начала прочесывать границу рощи вместе с Гли и Маргарет. Потом они подумали – может быть, Гретхен в доме? Эбби не захотела разделяться, и в дом пошли все трое, но там никого не было. Подруги некоторое время подъедали салат из лапши, курили, решали, стоит ли звать полицию, потом нашли батарейки для еще двух фонарей и снова пошли искать, крича:

– Гретхен? Гретхен! Гре-е-е-етхе-е-е-ен!..

Наконец небо начало проясняться, и земля под усталыми ногами подруг стала жесткой, как бетон. Тогда они с трудом, но решились вызвать полицию.

– Мне пипец... – говорила Маргарет.

– Может, она умерла? Или ее похитили? – думала вслух Эбби.

– Может, ее похитила секта? Сатанисты, или...

– Заткнись, Гли! – застонала Маргарет. – Прежде чем я угроблю свою жизнь, сначала давайте поищем в лесу.

– Ни за что! – возразила Эбби. Рассвет окрашивал все в серый цвет, но она по-прежнему и думать не могла о том, чтобы вернуться в лес. – Надо вызвать полицию, вдруг ее похитили?

– Кто?! – Маргарет выключила фонарик – уже было светло, и они могли ясно видеть друг друга. – Кому она нужна? Никто ее не похитил! Поищем последний раз. Потом уже можно будет звонить в полицию и сажать меня под домашний арест на всю оставшуюся жизнь.

У Маргарет был дар общаться с вами, как с очень маленьким и тупым ребенком. Эбби покорно проследовала вслед за ней и Гли в лабиринт деревьев, оставив позади безопасную открытую поляну.

– Разобьемся, – сказала Маргарет. – Мы не на тусовку собрались.

– В «Скуби-Ду» с этого всегда начинаются проблемы, – возразила Гли, но подчинилась ей. Эбби нехотя сделала то же самое, и трое рассеялись по лесу. Небо светлело, но Эбби по-прежнему не выключала фонарик и поначалу держалась полосы леса. Однако, представляя, как Маргарет ругает ее за трусость, а Гретхен лежит где-то раненая, без сознания, вскоре она углубилась в рощу. Идти прямо было невозможно – сосны и пальмы своими стволами вставали у нее на пути, сманивали прочь от лесной полосы, вели вглубь и, наконец, привели обратно к бетонному бункеру. Эбби готова была закричать.

Но вместо этого она сделала глубокий вдох, пытаясь не сорваться. В грязноватом утреннем свете блокгауз выглядел печально: все его стены были покрыты инициалами каких-то ребят, странными картинками, возможно, изображавшими извращенные половые акты, и надписями: «Мажоры ешьте говно», «Отстойная четверка», «Ударим по вымирающим видам ядерной бомбой». Эбби вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит, и развернулась.

Вокруг были только деревья. Эбби повернулась обратно к зданию – в окне стояла бледная фигура, глядя на нее глазами, напоминавшими темные провалы. Рот казался черной заштопанной дырой. Эбби выронила фонарик.

– Сколько времени сейчас? – хрипло спросила Гретхен, тут же исчезла из окна и вышла с другой стороны дома. На ней не было совершенно ничего, кроме кроссовок, ноги вплоть до бедер были покрыты чешуйками ила, остальные части тела тоже были в грязи, руки черные, в волосах запутались листья. Когда она вышла на свет, в глазах Гретхен отразилось восходящее солнце, и на миг они показались кусками серебра, ничего не выражающими.

– Где ты была?! – воскликнула Эбби. Гретхен прошла мимо, направляясь к выходу из леса.

– Гретхен! Как ты? – Эбби побежала за ней.

– Просто восхитительно! Я всю ночь провела в сраном лесу – голая, голодная и холодная!

Эбби была в совершенном замешательстве – Гретхен никогда не ругалась. Она протянула подруге шорты:

– Я их нашла... Только футболку потеряла.

Гретхен выхватила шорты и натянула на ходу. Ее суставы онемели от холода, и она скрестила руки на груди, засунув ладони в подмышки.

– Мы думали, ты потерялась... – объясняла Эбби. – Мы все это время тебя искали, когда ты прыгнула с причала. Маргарет уже собиралась звонить в полицию.

Гретхен, вся покрытая гусиной кожей, сутулилась, пряча груди, наклоняясь вперед все больше и больше. Наконец она опустила на корточки, будто собиралась сходить по-малень-

кому, и застыла. Волосы закрывали ее лицо, и Эбби не сразу поняла, что Гретхен плачет. Тогда она опустилась на корточки рядом и обняла подругу, потирая ее ледяную спину со словами:

– Ш-ш-ш... Все хорошо.

Неуклюже прижимаясь к ней и дрожа, Гретхен целую минуту рыдала, а потом издала непонятный гортанный звук.

– Что? – переспросила Эбби.

– Я хочу домой, – повторила Гретхен.

– Мы туда и идем, – Эбби поднялась на ноги, подняла Гретхен, развернула ее и попыталась идти дальше, но ноги Гретхен застыли так, что не могли нормально шагать.

– Гли! Мар-га-рет!!! – крикнула Эбби, и секунды спустя обе с шумом появились из-за деревьев.

– Слава тебе, Господи! – воскликнула Маргарет, стянула свою просторную футболку и надела на Гретхен (на Маргарет, по крайней мере, был лифчик), после чего они с Гли повели ее к дому. Эбби стояла и смотрела им вслед, чувствуя, как все ее тело переполняется облегчением. Потом она обернулась к блокау – из-за угла показывалось что-то, на вид более современное, чем здание. Подавшись вперед, Эбби увидела, что это большой металлический ящик грязно-зеленого цвета с цифрой 14, написанной белой краской на боку – кто-то оставил это устройство на земле прямо посреди леса. Подойдя к ящику и положив на него ладонь, Эбби почувствовала, как он гудит. В стенке ящика была крышка, запертая на навесной замок, а на крышке – логотип «Саузерн-Белл». Значит, гудение, что она слышала вчера ночью, производило какое-то телефонное оборудование, поняла Эбби.

Тайна немедленно рассеялась. Эбби снова повернулась к зданию – теперь оно не казалось зловещим, только очень побитым: потолок наполовину провалился, на полу и земле валялись обломки бетона, а стены изнутри тоже были сверху донизу покрыты надписями – непонятными символами, нечитаемыми словами, не то буквами, не то цифрами, примитивными сатанинскими символами, порнокартинками и названиями музыкальных групп, написанными и нарисованными друг поверх друга. Повсюду валялись бутылки из-под винных коктейлей и окурки.

В самом центре помещения лежал особенно большой кусок бетона – размером с обеденный стол и такой же круглый, лицевой стороной повернутый к окну и наполовину освещенный жидким утренним солнцем. На бетонной поверхности были следы красной жидкости – может быть, свежей краски. Эбби медленно попятилась от окна, а затем убралась из леса.

По дороге она говорила себе: это просто краска. Просто краска, и все.

Воскресенье, кровавое воскресенье ⁶

Все были голодные, как волки, но холодильник Маргарет был пуст, за исключением половинки грейпфрута, стружки чеддера в многоразовом пластиковом пакете, коробки «Перье» и упаковки слабительных свечей (мама Маргарет снова начала следить за весом).

Гли от недосыпа испытывала прилив энергии и сейчас детально пересказывала вслух сама себе, как они всю ночь искали Гретхен и как она, Гли, ужасно волновалась. Маргарет была как будто не совсем в себе – она стояла перед кофеваркой и смотрела, как прибор наполняется. Подруги жутко воняли, у Эбби были исполосованы все голени, руки и плечи казались одним сплошным синяком, а кожа на голове ныла там, где ей выдрало кусок волос. Эбби пыталась вывести Гретхен из дома, но та снова и снова возвращалась: сначала она хотела искать в лесу свою футболку, потом потеряла кошелек, потом в сумке Гретхен не оказалось ключей от дома... Маргарет ждала их, но, когда Гретхен в третий раз положила куда-то сумку, а потом не смогла найти, Миддлтон кинулась в душ и громко захлопнула за собой дверь. Наконец Эбби и Гретхен погрузились в Пыльный Катышек и торопливо удалились.

– Надо было подождать Маргарет, – тихо сказала Гретхен, прислоняясь к пассажирскому окну.

– Мы ее в понедельник увидим. Сейчас главное – привезти тебя домой раньше, чем там будут твои родители.

– Ау... – застонала Гретхен. Пыльный Катышек трясло на проселочной дороге, окруженной дубами, и голова Гретхен застучала об окно.

Старинные чарльстонские семьи любили большие загородные особняки и длинные подъездные дорожки. Чем хуже было состояние тех и других, тем правильнее казались себе их владельцы, и Миддлтоны были очень правильными. Наконец, прежде чем амортизаторы окончательно сдались, Эбби повернула направо, выводя Катышек на двухполосное шоссе, идущее через густой сосновый лес из Уодмало в Чарльстон. Она нажала на газ, и мотор Катышка, которому место было разве что в швейной машинке, бешено завыл.

– У тебя нет двенадцати долларов? – спросила Эбби. Гретхен, не отвечая, переключала радио туда-обратно. – Гретхен? – по-прежнему молчание. Тогда Эбби решила объяснить подробно:

– Мне на этой неделе недоплатили в «ТСВУ», но обещали со следующей зарплатой доплатить. Нам нужно заправиться, или не доедем домой.

Долгое молчание. Затем Гретхен ответила:

– Я ничего не помню, что было ночью.

– Ты потерялась и всю ночь была в том здании. Слушай, в деревне Ред-Топ будет автозаправка...

Гретхен подумала и решила ответить:

– У меня нет денег.

– Там принимают карты.

– У меня есть карта?! – радостно воскликнула Гретхен.

– В кошельке посмотри.

Эбби знала, что папа Гретхен дал ей кредитную карту на всякий случай. У всех одноклассниц были карманные деньги, кредитки и автозаправочные карты, потому что ни один папа не хотел, чтобы его дочь вдруг застряла где-то без денег и не могла добраться домой. Кроме Эбби – ее папу ничто особенно не интересовало, кроме газонокосилок.

⁶ «Sunday Bloody Sunday» – песня U2 (1983 г.)

Взгромоздив сумку на колени, Гретхен порылась там, нашла кошелек, с трудом его открыла и замерла.

– Сколько у тебя с собой? – спросила Эбби. Ответом ей был только вой мотора.

– Гретхен? – Эбби рискнула оглянуться на нее. – Сколько?

Гретхен повернулась к подруге – ее глаза были полны слез, блестевших на утреннем солнце:

– Шестнадцать долларов... Этого хватит на бензин и на кока-колу лайт... да? Можно я куплю кока-колу?..

– Можно, конечно – твои же деньги...

Слезы покатались по щекам Гретхен, сверкая на солнце. Эбби начинала волноваться:

– Гретхен?

Сосновый лес заканчивался, и свет солнца, падавший сквозь деревья, становился все ярче. По обе стороны шоссе лежали бескрайние залежные поля, где выращивали томаты. Гретхен сделала глубокий-глубокий вдох, который перерос в плач.

– Я просто... я так... – голос Гретхен сорвался. Потом она снова начала: – Мне нужно, чтобы все сейчас было нормально...

Эбби крепко сжала ее руку – Гретхен была холодной, но солнце начинало согревать салон машины.

– Все будет хорошо. Обещаю.

– Правда? – переспросила Гретхен.

– Чистейшая правда!

Когда они въехали в Ред-Топ, Катышек шел на честном слове, зато Гретхен начала успокаиваться.

* * *

Остаток дороги прошел в тишине. Гретхен откинулась далеко на сиденье, устало вытянув покрытые илом ноги перед собой и теребя свои волосы. Чем ближе был Маунт-Плезант, тем спокойнее было Эбби. Когда они въехали на первый пролет моста, по радио начал насвистывать Бобби Макферрин. Эбби сделала музыку громче, и салон наполнился умиротворяющей мелодией «Don't Worry, Be Happy». На мосту было пусто – все ушли в церковь, солнечный свет играл на волнах гавани, и казалось, что лекарство для всех проблем на свете было одно – хорошо выспаться.

У бензоколонки «Оазис» Коулмен-бульвар раздваивался. Эбби повернула направо и покатила по Олд-Вилледж с королевской неторопливостью – сорок километров в час. Каждая улица представляла собой тоннель из вечнозеленых дубов; иногда деревья выскакивали из-под земли прямо посреди дороги, образуя развилку. Трудно было назвать это место пригородом – скорее, оно казалось лесом, застроенным фермами. Они ехали мимо кирпичного здания с бистро и баскетбольными кортами вокруг, мимо заросшего мхом Конфедеративного кладбища на холме, крошечного отделения полиции, теннисных кортов, мимо одного дома за другим – и с каждым из них Эбби становилось радостнее и спокойнее.

Дома были самые разные – красные здания с белой отделкой, особняки в Южном стиле цвета желтой магнолии, украшенные массивными белыми колоннами и непрерывным крыльцом по всему периметру; домики, похожие на солонку, с шиферными крышами, поросшими мхом; беспорядочные двухэтажные викторианские дома с верандами, погребенными под буйной зеленью, так что оттуда не было видно неба – только серебристо-зеленый балдахин из листьев и испанского мха. Все газоны были безупречно подстрижены, все дома – недавно покрашены, каждый ранний прохожий, занимавшийся силовой ходьбой, махал в знак приветствия, и Эбби каждому махала в ответ.

Единственным изъяном во всей Олд-Вилледж были оранжевые пятна от поливалок на стенах домов. Казенная вода была дорогой и, что еще хуже, содержала фтор – детям она, может, и сошла бы, но поливать ею свои клумбы? Никогда в жизни! А как же награда «Двор месяца»? Поэтому у всех был собственноручно выкопанный колодец для поливания сада, а поскольку грунтовые воды под Маунт-Плезантом были богаты железом, от поливалок все становилось оранжевым – автомобильные дорожки, тротуары, перила на веранде и деревянный сайдинг. Со временем дома желтели, соседи жаловались, и приходилось перекрашивать стены, но такова цена райской жизни.

* * *

Пыльный Катышек выкатился на Пьератес-Крузе, где вечнозеленые дубы простирали ветви низко-низко над газонами и дорогой, так что царапали крышу Катышка. Теперь они ехали по проселочной дороге – от днища машины со стуком отскакивали камушки, вокруг шин поднималось легкое коричневое облако, и вскоре Эбби притормозила у дома Гретхен. Тот стоял близко к проезжей части – от дороги его отделял только кусочек асфальта, служивший для парковки. Эбби дернула стояночный тормоз (Катышек имел обыкновение укатываться), повернулась к Гретхен и обняла подругу:

– Ты как?

– Мои дела очень, очень плохи, – произнесла Гретхен.

Электрические часы на панели показывали 10:49. Родители Гретхен теперь обычно возвращались из церкви около 11:30 – у нее было достаточно времени, чтобы вымыть из шланга кроссовки, вернуться в дом, отмыться и собраться с мыслями, но только если она начнет двигаться прямо сейчас! Вместо этого Гретхен сидела и пялилась в лобовое стекло. Нужно было ее подбодрить.

– Гретхен, я знаю, ты перепугалась, но поверь мне – все не так плохо, как кажется. Те чувства, что ты сейчас испытываешь – они не навсегда. Тебе только нужно пойти в дом, отмыться и сделать нормальный вид, иначе родители тебя убьют! – Эбби снова ее обняла и добавила: – «Глаз тигра»!

Гретхен кивнула, скользнув взглядом на коробку передач, затем кивнула снова, более решительно:

– Да... «Глаз тигра».

Затем она открыла дверь плечом, выползла из машины, захлопнула дверь и, спотыкаясь, пошла к двери дома. Эбби надеялась, что Гретхен не забудет снять кроссовки перед тем, как войти.

Гретхен провела всю ночь в лесу, замерзла, устала... Ничего, убеждала себя Эбби, вечером они потусят вместе – возьмут напрокат кино или что-нибудь еще придумают. Все было в полном порядке. Don't worry, be happy – не волнуйся и будь счастлива.

* * *

Оставив Олд-Вилледж в зеркале заднего вида, Эбби снова пересекла Коулмен-Бульвар и направилась по Райфл-Рейндж-Роуд в район, где вам никогда не советовали перекрасить отделку дома. Там, где жила Эбби, за замечание «Ваша отделка чуть пожелтела» могли и застрелить.

Она проехала мимо автозаправки «Кенгуру», напротив которой была окруженная ваннами для птиц лавка, где продавали вареный арахис и украшения для сада; мимо Африканской методистской епископальной церкви Авен-Езера и горы Сион, отмечавшей границы Харборгейт-Шорс – скучного, ничем не выделявшегося района, раскинувшегося на многие кило-

метры. После этого пошли дома поменьше, где во дворах, как правило, не было ничего, кроме грязи и прицепов для лодок; потом несколько кирпичных ранчо с микроскопическими верандами, украшенными дешевыми колоннами в псевдоколониальном стиле, потом только мелкие развалюхи, бункеры из шлакоблоков с жестяной крышей и, наконец... дом Эбби.

Это здание, у которого остановилась Эбби, представляло собой печальное зрелище – просевший дом, у которого будто позвоночник сломался, громоздкие кондиционеры в окнах и двор, где росли только сорняки, среди которых, как солдаты в окопах, засели сломанные газонокосилки. У папы Эбби было почти триста газонокосилок, но он никогда ничего не косил.

Входя домой к Гретхен, Эбби будто переступала через герметизированный шлюз космического корабля, где все сверкало стерильной чистотой. Входя домой к себе, она словно толкала разбухшую от влаги дверь глухого деревенского дома, а оказывалась в вонючей пещере. Вдоль стен до сих пор стояли какие-то ящики и картины – прошло четыре года после переезда из Криксайда сюда, в более маленькое жилище, а мама Эбби так и не разобрала вещи.

Мистер Риверз сидел перед включенным телевизором с мюслями в пластиковой тарелке, закинув ноги на исцарапанный кофейный столик. На папе Эбби не было рубашки, и безволосое пузо покоилось на коленях.

- Привет, пап, – сказала Эбби, входя в гостиную, и поцеловала папу в щеку.
- Угу, – ответил он, не отрываясь от экрана.
- Что смотришь?
- «Войну гоботов».

Некоторое время Эбби стояла и смотрела, как мопеды превращаются в роботов с широкими улыбками, а истребители стреляют лазерами из шин. Она ожидала, что разговор завяжется сам собой, но этого не произошло.

- Что сегодня делаешь? – спросила Эбби.
- Чиню газонокосилки.
- Мне надо в «ТСВУ», потом, может, к Гретхен зайду. Когда мама дома будет?
- Поздно.
- Хочешь, принесу тебе нормальную тарелку?
- Угу.

Прошлый опыт говорил Эбби, что больше ожидать от папы нечего. Прихватив из кухни зеленое яблоко, она быстро проследовала к себе в спальню и как можно быстрее закрыла за собой дверь, чтобы туда не проник ядовитый газ, из-за которого родители были такими унылыми.

В комнату Эбби другим вход был воспрещен – спальня была частью другого дома: его Эбби построила сама, своим трудом, на свои деньги. Стены покрывали серебристо-розовые обои в диагональную полоску, на полу лежал ковер с черно-белыми кругами и перекрывающим их большим красным треугольником. Здесь стояла двухуровневая магнитола из «Джей-Си-Пенни» (подставкой служил ящик из-под молока, обернутый в серебристую ткань с люрексом), рядом с кроватью был телефон с Микки Маусом, который Эбби однажды купила себе на Рождество, а на стеклянном кофейном столике – цветной телевизор от «Сампо», диаметр – 48 см.

Возле одной из стен стоял яркий черно-розовый туалетный столик, круглое зеркало которого было обрамлено бесконечными фотографиями: Гретхен в постели (когда у нее был мононуклеоз), закрытая одеялом до подбородка, Гретхен и Гли на пляже в сногшибательных бикини (черном и кислотно-зеленом), Маргарет на водных лыжах с попутным ветром, все четверо, фоткавшиеся по случаю школьного бала в девятом классе, Гретхен и Эбби с дредами в Ямайке...

Высокую и мягкую постель Эбби с трех сторон поддерживали узорные белые металлические решетки, которые громко дребезжали каждый раз, когда она забиралась в свое гнездышко. Кровать была погребена под пледами, одеялами, шестью громадными розовыми подушками и

старыми мягкими игрушками – Жираф Джоффри, Капустная Голова, Ринклз из серии «Щенячьи истории», Мишка-Обнимашка, Спаркс и собачка Флаффи из другой серии. Конечно, хранить их было ребячеством, но как иначе? Эбби не выдержала бы печального взгляда пластмассовых глаз, выбрасывая игрушки в мусорку.

Эта комната была единственным местом, где Эбби было так же уютно, как у Гретхен – здесь не было ничего, что она не купила или что не купили бы на ее деньги, что она не повесила или не покрасила бы сама. Эбби сунула в магнитолу «Арену» «Дюран Дюран» и включила на полную громкость – эту кассету, которая всегда создавала настроение, будто едешь в машине с опущенными стеклами, а кругом лето, ей подарила Гретхен. Прокравшись по коридору к ванной, Эбби как следует отмылась в душе, горячем, как кипяток, и, завернувшись в полотенце, вернулась в комнату. Скоро будет час дня, а значит – пора наводить марафет и идти на работу.

В седьмом классе Эбби однажды проснулась и обнаружила, что у нее все лицо в прыщах – щеки, лоб, подбородок!.. В тот момент ее семья как раз переезжала из Криксайда, и Эбби так волновалась и бесилась из-за всего подряд, что начала давить прыщи. Через неделю на ее лице не было свободного места от гнойных ссадин и ярко-красных ранок, куда попадала грязь. Эбби умоляла родителей записать ее к дерматологу, как Гретхен, но ответом ей был только припев маминого любимого хита № 1: «У нас нет денег».

– Давай заведем собаку... – «У нас нет денег!»

– Можно мне репетитора по биологии? – «У нас нет денег!»

– Тогда я пойду в летнюю школу и раньше закончу учиться... – «У нас нет денег!»

– Миссис Трамбо с классом изобразительных искусств едет в Грецию, можно, я тоже поеду? – «У нас нет денег!»

– У меня лицо похоже на пиццу со струпами, можно, я пойду к доктору? – «У нас нет денег!»

Эбби пробовала все средства от прыщей, что рекламировали журналы «Seventeen» и «УМ» – «Сибриз», «Ноксему», грязевые маски от «Сент-Айвз». Отчаявшись, один раз она даже попробовала вышибить клин клином и начала втирать майонез в подбородок и лоб (это она вычитала в «Тееп»), но результаты получились катастрофическими. Что бы ни делала Эбби, прыщи становились все больше: они появились всего за пять дней, но их никак нельзя было свести.

Тогда Эбби перестала трогать лицо, бросила пить колу и есть шоколад, и это, вкупе с меняющимся гормональным фоном, по-видимому, помогло – спустя три месяца позора ее лицо стало чище. Прыщи не ушли окончательно, но, по крайней мере, объявили перемирие. Однако после этой битвы все лицо Эбби осталось покрыто следами – глубокие шрамы на щеках, мелкие, но широкие на лбу, огромные черные точки на носу, глубокие красные на подбородке...

– Их видно только при определенном освещении, – убеждала Гретхен подругу, но слишком поздно. Сердце Эбби было разбито: теперь ее лицо безнадежно испорчено, а у нее даже еще не было ни одного бойфренда!

Тем летом она целые выходные не выходила из комнаты. В понедельник после этого Гретхен отвела Эбби в книжный на Коулмен-Бульвар, где они просмотрели все журналы о косметике. Наконец, Гретхен стырила книгу о макияже, которую подруги изучили дома куда тщательнее, чем любой из школьных учебников, затем составили список, поехали в «Керрисонс», и Гретхен купила Эбби косметики на восемьдесят пять долларов. Потребовалась пара недель, чтобы поэкспериментировать, и ко Дню труда Эбби нарисовала себе лицо, с которым могла жить.

При ярком солнце Эбби можно было принять за участницу конкурса «Мисс Америка» в сценическом гриме, и иногда какой-нибудь лох говорил, что она похожа на клоуна. Но Эбби отвлекала внимание тем, что постоянно была на позитиве: шутила при первой же возможности пошутить, делала кому-то хорошее при первой же возможности это сделать. К восьмому

классу, когда все начали готовиться к старшей школе и «переизобретать» свою внешность, вся школа уже привыкла к тому, что Эбби просто так выглядит.

Единственный недостаток был в том, что ей каждое утро требовалось целых полчаса, чтобы обработать лицо губкой, пудрой и карандашами, пока оно не примет нужный вид. Сначала Эбби наносила базу, потом разглаживала, смешивала, присыпала пудрой, рисовала брови, красила губы, наносила румянец – и все это надо было делать в правильных дозах, чтобы не выглядеть, как Тэмми Фэй Беккер. Однако, даже невзирая на ранние пробуждения, ей было приятно смотреть, как шрамы от прыщей скрываются под настоящим лицом участок за участком, делая ее все красивее и красивее.

Смена начиналась через двадцать минут. Закончив краситься, Эбби взбила волосы, полила их лаком, надела бело-зеленую форму официантки, продернула «конский хвост» через отверстие в кепке, снова полила волосы лаком и как следует уложила.

Подъехав к одноэтажному торговому центру на Коулмен-Бульвар, следующие шесть часов Эбби провела в прохладном кафе «ТСВУ», окутанная кислой вонью замороженного йогурта с примесью ванили, наполнявшей стеклянное кубическое помещение. Ее здесь все вполне устраивало – с каждым часом, проведенным в этом огромном холодильнике, на ее счет в банке капало четыре доллара.

До половины пятого смена была довольно скучной. Потом зазвонил телефон.

– Это «ТСВУ», чем я могу вам помочь? – ответила Эбби.

– Кровь... Всюду кровь... – произнесла Гретхен.

Наступил конец света, как мы его знаем (а я чувствую себя прекрасно)⁷

– Ты где? – тихо спросила Эбби, повернувшись спиной к очереди у кассы. На другом конце телефона слышался плеск воды.

– Я сидела в ванной и хотела побрить ноги, но тут вся вода стала красной. Не понимаю, это моя кровь, или я что-то вспомнила, по-настоящему это, или у меня уже глюки... – плеск воды на заднем плане затих, и раздалось громкое жужжание. – Помоги! – прошептала Гретхен.

– Сколько крови?

– Много...

– Значит, так – вылез из ванны и встань перед зеркалом на белое полотенце...

– Очередь! – Ди-Ди дернула Эбби за рукав.

– Секунду, – одними губами прошептала Эбби, отмахиваясь – замороженный йогурт сейчас явно был не главной проблемой. В трубке послышался плеск, звон капель, потом – тишина.

– Встала? Есть на полотенце кровь?

Долгое молчание, затем:

– Нет! – ответила Гретхен с явным облегчением.

– Точно? Все полотенце чистое?

– Да! О господи, я с ума схожу...

– Иди смотреть телек, позже поговорим. Обязательно позвони мне сегодня.

– Прости за беспокойство. Удачной работы...

Разрешив серьезную проблему и повесив трубку, Эбби со спокойной совестью продолжила раскладывать ванильный йогурт по вафельным рожкам и посыпать сверху ириской и шоколадом, пока не наступило девять часов, и они с Ди-Ди не заперли помещение. Приехав домой, Эбби залезла в постель и принялась смотреть телемарафон Джерри Льюиса, который уже заканчивался, держа при этом палец на звонке своего телефона вплоть до 11:06. В это время у них с Гретхен был ежевечерний телемост. Эбби нельзя было звонить подруге настолько поздно, и Гретхен, собственно, тоже не должна была звонить ей. Но Эбби держала палец на звонке и отпускала, стоило ему завибрировать, так что родители ничего не знали.

Тем вечером, однако, телефон так и не зазвонил.

* * *

Утро понедельника, двадцать минут восьмого. Олд-Вилледж была окутана напоздавшем из гавани туманом, который нависал над землей и сглаживал все острые углы. Эбби затормозила напротив дома Гретхен на Пьератес-Крузе. Она подпевала Филу Коллинзу, который, как никто, способен был поднять Эбби настроение. На заднем сиденье был набор батончиков из воздушного риса, чтобы смягчить приземление Гретхен после тяжелых выходных.

Обычно она ждала Эбби на улице, но сегодня там был только Хороший Песик Макс, который уже перевернул мусорный бак доктора Беннета и зарылся туда по самые плечи. Стоило Эбби затормозить, как пес насторожился, обернулся и стоял, как вкопанный, глядя на Катышек. Эбби открыла дверь машины, и Макс хотел перепрыгнуть через белые пакеты с мусором, но зацепился передними лапами, плюхнулся в мусор всей мордой и задергался, пытаясь вырваться.

⁷ «It's the End of the World as We Know It (And I Feel Fine)» – песня группы R. E. M. (1987 г.)

Эбби бросилась ко входу. Стеклопанная дверь разгерметизировалась, но вместо сонной Гретхен, жаждущей инъекции кока-колы лайт, ее встретила миссис Ланг в халате со словами:

– Гретхен сегодня не пойдет в школу.

– Можно, я поднимаюсь? – спросила Эбби. На лестнице послышался грохот, и появилась Гретхен в школьной форме с сумкой для книг на плече:

– Пойдем!

Миссис Ланг схватилась за сумку, остановив дочь:

– Ты почти не спала! Я твоя мать, и я решаю, пойдешь ты или нет!

– Отпусти меня!!! – завопила Гретхен, высвобождаясь из ее хватки. Эбби покраснела, чувствуя, как потеют ладони и спина – ей всегда становилось неловко во время ссор подруги с ее матерью, потому что она никогда не знала, как показать, на чьей стороне находится.

– Скажи ей, Эбби! Я должна пойти! Это очень важно для моего образования!

– Ну... Э-э... – ответила Эбби, запинаясь под взглядом миссис Ланг. Вдруг лицо последней вытянулось:

– Ох, Макс...

Эбби оглянулась – Хороший Песик Макс подошел к дому и теперь пялился на троих женщин, будто впервые их видел. К его морде прилипла окровавленная женская прокладка.

– Фу-у! – засмеялась Эбби и, схватив Макса за ошейник, потянула собаку к двери.

– Нет, Эбби! Он весь грязный! – воскликнула миссис Ланг, перехватывая ошейник. Воспользовавшись суматохой, Гретхен вырвалась из материнской хватки, бросилась к Пыльному Катышку, волоча за собой Эбби, и крикнула через плечо:

– Пока, мам!

– Гретхен!.. – крикнула миссис Ланг, подняв голову, но подруги уже были далеко.

– Держите своего пса подальше от моего двора – у меня есть духовушка! – заявил доктор Беннет пробегающим девушкам, оторвавшимся от своих мусорных баков.

– Доброе утро, доктор Беннет! – помахала ему Гретхен, прежде чем обе бросились в Катышек, и Эбби нажала на газ.

– Почему ты вчера не позвонила? – спросила она.

– Я говорила с Энди! – ответила Гретхен, передавая подруге две монеты в 25 центов. Она вытащила из промежутка между сидений кока-колу лайт – Эбби всегда привозила ее для Гретхен.

Эбби это бесило. Вернувшись из летнего библейского лагеря, Гретхен только и говорила, что об Энди – своей великой курортной любви: Энди то, Энди се, он такой классный, такой мускулистый, и она обязательно поедет к нему во Флориду... К первой неделе июля Энди был совершенно забыт, и Эбби думала, что навсегда, но теперь он вернулся снова.

– Это хорошо, – сказала Эбби. Ей самой не понравилось, как кисло это прозвучало, поэтому она изобразила улыбку и наклонила голову вбок, будто внимательно слушала. Эбби никогда не видела Энди на фотографиях («Он считает, что фотографироваться – значит держаться за прошлое!» – вздыхала Гретхен) и не говорила с ним по телефону («Мы переписываемся – этот способ общения гораздо глубже, чем телефон!» – ворковала Гретхен), но прекрасно его себе представляла: Энди был хромым, горбатым, у него не было одной брови, и он носил брекетты. Может быть, даже внешний стоматологический намордник.

– Энди принимал ЛСД, и он говорит, что тот случай в ванной совершенно нормален. Это со многими бывает, так что судьба Сиды Барретта мне не грозит!

– Я же тебе говорила – все хорошо! – улыбнулась Эбби, вцепившись в руль так, что стало больно пальцам. Порывшись в кассетах Эбби, Гретхен поставила их наикрутейший летний микс. На школьную парковку подруги въехали в облаке белой пыли, во всю глотку подпевая Бонни Тайлер и переживая вместе с ней «Полное Затмение в Сердце». Эбби припарковалась на свободном месте далеко в конце и дернула стояночный тормоз. Напротив них была спор-

тивная площадка, а за ней – дом директора, где пять бродячих собак (на болотах жило много таких животных) гонялись друг за другом сквозь туман.

– Готова к любимой школе? – спросила Эбби. Гретхен поежилась и обернулась на заднее сиденье:

– У меня флэшбэки...

– Что?

– Меня кто-то постоянно трогает сзади за шею... Всю ночь не спала.

– Вау. Все-таки ты превратилась в Сиду Барретта.

Гретхен вместо ответа показала ей средний палец и сказала:

– Пойдем в любимую школу.

По дороге в здание Эбби коснулась пальцами шеи Гретхен сзади. Та подскочила и сказала:

– Прекрати! Тебе понравится, если я так сделаю?

Школа Олбемарл-Академии располагалась на реке Эшли, у границы Олбемарл-Пойнт. С двух сторон ее окружали болота, а с третьей – район Кресент. Образование здесь было интенсивным и дорогим, и все, кто ходил в Олбемарл, считали себя лучше всех остальных чарльстонцев.

– Упс... – произнесла Гретхен и кивнула вперед. Они с Эбби в этот момент пересекали Олбемарл-Роуд, по одну сторону которой лежали парковка для учащихся и спортивные площадки, а по другую – здания школы. Навстречу им шел физрук Тул – огромная груда мышц и мяса в неприлично тесных спортивных штанах для тяжелой атлетики.

– Леди, – кивнул он им, проходя мимо.

– Мистер Тул, хотите яиц? – спросила Гретхен, стряхивая сумку с плеча и залезая туда. – Мама дала мне на завтрак вареные яйца.

– Нет, спасибо, у меня свои яйца есть! – ответил физрук на ходу. Подруги удивленно переглянулись, расхохотались и пустились в бег по тротуару. На остановке для родительских автомобилей рядом с флагом сидел Трей Самтер.

– Слышите, вы сделали вопросы по геологии? – жалобно окликнул он девушек со своей скамейки. Учебный год только начался, а у Трея уже была куча долгов по домашке.

– Правильный ответ – магматические горные породы! Всегда магматические горные породы! – отвечала Гретхен. Они с Эбби свернули и оказались в открытой галерее, где с одного боку был главный офис, с другого – стеклянные двери, ведущие в коридор на втором этаже, впереди – необъятный зеленый газон, а позади – колокольня. Теперь подруги находились в самой гуще учеников Олбемарл-Академии.

– О, Господи помилуй... Какие же мы все отстойные, – произнесла Гретхен.

Здесь учились дети докторов, адвокатов, банковских президентов, владевших лодками, лошадьми, загородными плантациями, домами у моря в Сибруке, живших в роскошных особняках в Маунт-Плезанте или в исторических зданиях в центре... и каждый ученик ничем не отличался от других.

Памятка для учеников заменяла в Олбемарле Священное писание, и дресс-код, там описанный, был очень прост: вы одевались, как ваши родители. Пышные прически-«химии», кислотные цвета и большие накладные плечи предназначались для выходных. Во время учебной недели соблюдался дресс-код, типичный для элитных новоанглийских школ, где готовили к университету: девочки одевались, как «юные леди», мальчики – как «юные джентльмены», а тем, кто не знал, что это значит, в Олбемарл было не место.

Хуже всего приходилось мальчикам: их мамы закупались в «М. Дюма» – магазине на Кинг-Стрит, специализировавшемся на стиле «шебби-шик». В седьмом классе мама выбирала для сына один комплект одежды, в котором он ходил остаток жизни: брюки цвета хаки, зимой – рубашки «Поло» с длинными рукавами, весной – рубашки «Айзод» с короткими рукавами.

После университета к этому добавлялись темно-синий блейзер, светлый льняной костюм в тонкую полоску и набор «веселеньких» галстуков, в которых выросшие мальчики ходили на первую работу – в местную юридическую фирму или в папин банк.

Девочки что-то пытались делать – бунтарки вроде Джоселин Цукерман иногда появлялись с дредами. Дресс-код, строго говоря, не запрещал это, но прическа Джоселин оказалась достаточно шокирующей, чтобы ученицу отправили домой. По большей части девушкам удавалось хитро находить способы самовыразиться, не нарушая дресс-кода: те, кто желал привлечь внимание к груди, носили белые водолазки под горло, так как вырезы в той самой области были запрещены; ученицы, считавшие, что у них хорошая попа, носили облегающие лосины, показывавшие их достоинства в самом выгодном свете, а если ты хотела сказать «я – свободная и нестандартная личность», к твоим услугам были неброские узоры под звериную шкуру (леопард, тигр или зебра). Однако, как ученицы ни старались, все все равно выглядели совершенно одинаково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.